

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

6

1948

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

№ 6

И Ю Н Ъ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
МОСКВА 1948

СОДЕРЖАНИЕ

Церковная жизнь

Ответный визит в Албанию	3
А. Шаповалова. 25 лет архиерейского служения Высокопреосвященного Луки, архиепископа Крымского и Симферопольского	6

Речи, проповеди

Митрополит Николай. Дары	10
------------------------------------	----

Статьи

Даниил Двинский. Святая ночь у Преподобного Сергия	15
Н. В. Васильева. День Святой Троицы	17
Г. А. Троицын день	21
Проф. И. Н. Шабатин. Константинопольская Патриархия и балканские славяне в 50—70 гг. XIX в.	24
Н. В. Лебедев. Почитание святых	43

Из жизни наших епархий

Из Свердловской епархии	49
Из Ровенской епархии	49
Из Омской и Тюменской епархии	50
Из Ивановской епархии	50

Объявления

Правила приема в Московскую Духовную Академию на 1948/1949 уч. год . . .	52
Правила приема в Московскую Духовную Семинарию на 1948/1949 уч. год . . .	54

Издатель:	Редактор:
МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ	РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ

По всем редакционным делам обращаться к ответственному секретарю редакции „Журнала Московской Патриархии“ протоиерею А. П. Смирнову—Москва, 34. Чистый пер., 5. Редакция „Журнала Московской Патриархии“.

13-я типография треста „Полиграфкнига“ ОГИЗа при Совете Министров СССР. Москва, Денисовский, 30, Зак. 435

Церковная жизнь

ОТВЕТНЫЙ ВИЗИТ В АЛБАНИЮ

В апреле 1948 г. из Москвы в Албанию вылетела делегация Русской Православной Церкви в составе: епископа Ужгородского и Мукачевского Нестора (Глава делегации), протоиерея П. Д. Филонова и священника М. В. Зернова.

Поездка являлась ответным визитом на приезд в Москву в январе 1948 г. делегации Албанской Православной Церкви. Когда делегация вылетала из Москвы на полях еще лежал снег. Когда же на другой день после отлета делегация прилетела в Тирану — главный город Албании, там весна была в полном разгаре. Голубое безоблачное небо. Все зелено. Фруктовые деревья в цвету.

На аэродроме делегацию встретили: Глава Албанской Православной Церкви архиепископ Христофор, архимандрит Пашко Водица, архимандрит Димитрий Коконеш и духовенство г. Тираны и ее окрестностей. Министр Юстиции, ведающий в Албании делами культов, и Министр Иностранных Дел прислали своих представителей.

Делегации были предоставлены номера в лучшей гостинице города. С ее балконов открывался очаровательный вид на город и горы, которые окружают столицу республики плотным кольцом.

В первый же день пребывания в Тиране делегация посетила архиепископа Христофора, Министра Юстиции Албанской Республики г. Носи и посланника СССР в Албании т. Чувахина.

Архиепископ Христофор пригласил епископа Нестора совершить совместно с ним хиротонию архимандрита Пашко (Пансия) Водицы во епископа Корчинского.

18 апреля с. г. эта хиротония была совершена в Кафедральном соборе г. Тираны. Во время торжественной Литургии было оглашено письмо Святейшего Патриарха Алексия архиепископу Христофору, в котором Святейший Патриарх приглашал представителей Албанской Православной Церкви в Москву на торжества 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. Затем архиепископ Христофор и епископ Нестор обменялись речами. В конце богослужения новопоставленный епископ Корчинский Пансий, возглавлявший зимой Албанскую делегацию в Москве, также произнес речь, в которой с сердечной благодарностью вспоминал Москву и прием, оказанный делегации Русской Православной Церковью. На груди нового епископа два ордена, свидетельствующие о его заслугах перед своей Родиной в дни ее освобождения от оккупации.

«Албанская Православная Церковь — народная Церковь», сказал Премьер-Министр Албанской Народной Республики г. Энвер Ходжа, который принял епископа Нестора и его спутников в своей загородной резиденции. Премьер-Министр отметил заслуги нового епископа и архимандрита Димитрия Коконеш перед Родиной в деле ее освобождения. Прием делегации Премьер-Министром прошел в дружественной атмосфере. Делегация чувствовала, что вождь албанского народа, как и весь албанский народ относится к нашей великой Родине и всем ее сынам с горячей любовью.

Кроме Тираны делегация посетила порт Дураццо, где имела возможность полюбоваться морем, и город Корчу, где, главным образом, сосредоточено православное население Албании. Особенно сильное впечатление оставила дорога в Корчу; она чрезвычайно красива, все время вьется в горах. Днем, когда делегация ехала в Корчу, она любовалась цветущим миндалем, горными реками, живописными обрывами и, наконец, прекрасным горным озером. На обратном пути, ночью, это озеро и вся дорога приобрела новую красоту. Светила полная луна и все предметы приняли новые очертания, которые не назовешь иначе, как волшебными.

Во время всех поездок духовенство и православные люди Албании встречали делегацию с редким радушием. Особенно радушно встретили делегацию старые знакомые членов делегации — архимандрит, а затем епископ Паисий, архимандрит Димитрий Коконеш и протоиерей Лазарь Попович. Последний во все время пребывания делегации в Албании сопровождал ее и был очень огорчен, что не мог принять делегацию у себя в городе Скутари.

На обратном пути делегации из-за отсутствия самолета пришлось провести четыре дня в Белграде. По приглашению Патриарха Гавриила делегация остановилась в помещении Патриархии. За все время пребывания в Югославии ей был оказан сердечный прием. Она побывала во многих достопримечательных местах Югославии, но все они уже подробно описаны на страницах нашего журнала в статьях членов делегации, посещавших Югославию.

В заключение хочется сказать, что как в Албании, так и в Югославии бросается в глаза горячий энтузиазм народов, строящих новую жизнь. Да благословит Господь их труды.

25 ЛЕТ АРХИЕРЕЙСКОГО СЛУЖЕНИЯ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОГО ЛУКИ, АРХИЕПИСКОПА КРЫМСКОГО И СИМФЕРОПОЛЬСКОГО

В миру архиепископ Лука известен как профессор Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, получивший Сталинскую премию 1-ой степени за свои медицинские научные труды: «Очерки гнойной хирургии» и «Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов».

Такая высокая награда свидетельствует о чрезвычайно глубокой и сложной хирургической работе профессора Войно-Ясенецкого. Окончив осенью 1903 года Киевский университет, Валентин Феликсович может праздновать в этом году свой сорокапятилетний юбилей медицинской деятельности. Но здесь, на страницах «Журнала Московской Патриархии», нам хочется отметить его другой славный юбилей — двадцать пять лет архиерейского служения.

Пастырскую деятельность, не оставляя своей работы врача и профессора, Валентин Феликсович начал в 1921 году, приняв сан священника. В это время ему было уже сорок четыре года. В 1923 году, после пострижения в монашество под именем Луки, он был хиротонисан во епископа Ташкентского и Туркестанского.

Осенью 1942 года Преосвященный Лука был возведен в сан архиепископа и назначен на Красноярскую архиерейскую кафедру.

В начале 1944 года был переведен в епархию Тамбовскую и Мичуринскую.

В марте 1945 года, во внимание к архипастырским трудам и патристической деятельности, архиепископ Лука, в числе других, был награжден Святейшим Патриархом Алексием правом ношения креста на клобуке.

В мае 1946 года Преосвященный Лука назначается архиепископом Симферопольским и Крымским.

Таков краткий послужной список юбиляра.

Но в столь значительную дату, как двадцатипятилетний юбилей архиерейской деятельности, хочется сказать нашим читателям о духовном облике архиепископа Луки и напомнить многие факты, которые достойны быть отмеченными в жизни любого архипастыря.

Несмотря на то, что Преосвященный Лука вступил на путь церковной деятельности в возрасте, когда человек уже привыкает к самостоятельным решениям и обычно больше всего считается со своими желаниями, несмотря на то, что к этому времени Владыка имел большие заслуги и почетные звания в своей светской деятельности как профессор и прославленный хирург, — Преосвященный Лука добровольно и с глубокой верой принял постриг — всецелое посвящение себя Богу. Отныне воля вышестоящего духовного наставника стала для него непреодолимой.

Не надо думать, что для такого богатого чувствами, мыслями и желаниями человека, как Преосвященный Лука, послушание было делом простым и легким. Но глубокая вера в Промысл Божий научила его ходить стопами смирения и больше заботиться о благе Церкви Христовой, чем об удовлетворении личных желаний.

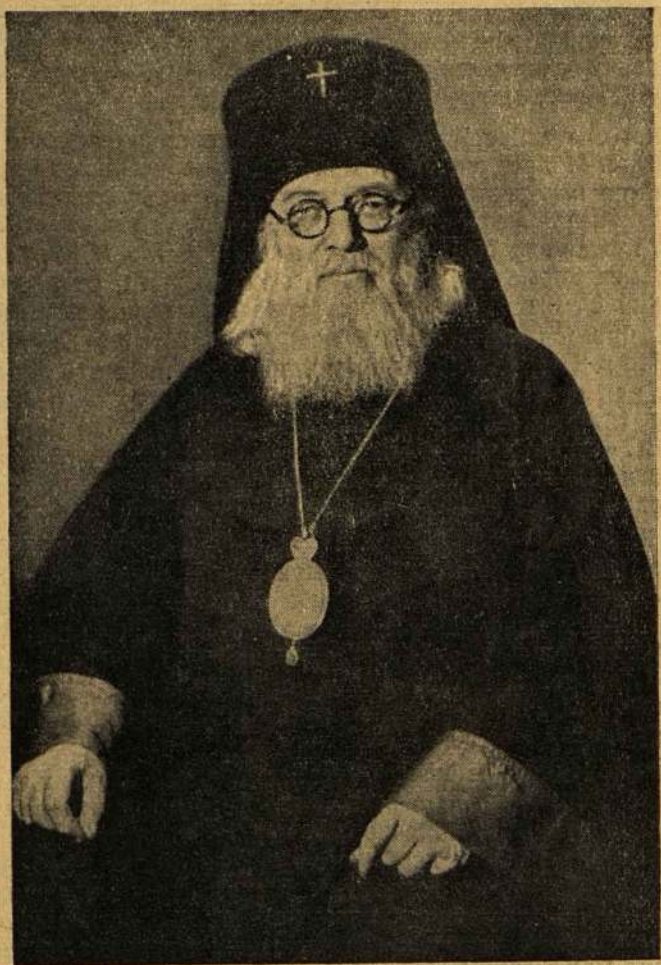
Высказанное самим архиепископом Лукой мнение о покойном Патриархе Сергии позволяет думать, что почивший Святитель был для Преосвященного Владыки тем идеалом архиерея, которому он хотел бы подражать. «Людам высокопоставленным часто свойственна величавость, сознание собственного достоинства и превосходства, нервозность в обращении с людьми, — пишет Преосвященный Лука в статье «Памяти Святейшего Патриарха Сергия». — Ни тени этих отрицательных свойств никто не видел в почившем великом Святителе, всегда сознававшем себя рабом Божиим и потому полным смирения. Знаем мы, что такие светлые и благие свойства духа приобретаются только великими подвигами служения Богу и неустанной, ставшей потребностью, молитвой».

Вспомнив мудрость Святейшего, его глубокие и многосторонние знания, «его великое самоотречение и тяжелую жертву, которая оказалась необходимой, чтобы провести корабль церковный по страшным волнам церковной разрухи», архиепископ Лука говорит: «Этот подвиг был возможен только для человека с большим историческим и политическим кругозором, свободного от узкого консерватизма, горячо любящего Родину и свой народ».

И в этом отношении влияние Святейшего было чрезвычайно благотворно для Владыки. Преосвященный Лука стоял на тех же позициях, которые позволили Патриарху Сергию «провести корабль церковный по страшным волнам церковной разрухи», и в период Великой Отечественной войны Владыка показал себя верным патриотом, гражданином, отдавшим все свои силы и знания служению советскому народу. И как архиерей, и как опытный врач он делал все возможное, чтобы сохранить и дух и тело своей паствы здоровыми, способными переносить тяжелые бедствия войны и победоносно защищать Родину.

Его проповеди и статьи в военный период носят характер страстного и убедительного призыва бороться против агрессора, и ясного понимания источника победы Советского Государства. «Велики во всех отношениях достижения советских народов за двадцать шесть лет. Но самое важное это то, что разрушены все преграды к товарищескому труду, и это товарищеское единение многих миллионов людей и отдельных народов, входящих в состав СССР, впервые достигнутое в истории человечества, имеет огромное нравственное значение; ибо искреннее и глубокое товарищество в труде и жизни приближает людей к великому христианскому идеалу братства и любви», — пишет Владыка в статье «Бог помогает народам СССР в войне против фашистских агрессоров» («ЖМП» № 9, 1944).

Несколько по иному развивая ту же мысль, пишет Владыка в № 1 «ЖМП» за 1948 год: «Мы, конечно, совершенно чужды материализма, составляющего идеологическую основу коммунизма, но это не мешает нам видеть все то доброе, полное великой социальной правды, что дал нам наш новый государственный строй, и с чистым сердцем приветствовать его. С радостью, одушевляющей и всех друзей прогресса, приветствуем мы всеобщее политическое равенство, к которому приобщены и многочисленные народы СССР, прежде носившие кличку «иностранцев», их огромные культурные успехи: полную эмансипацию женщины, огромный подъем науки, всеобщее бесплатное обучение и великие заботы Правительства об охране здоровья народа».

ЛУКА
Архиепископ Крымский
и Симферопольский

Служение народу было стремлением архиепископа Луки еще в годы юности. «Огромные силы ума и духа таятся в «простом народе», — неоднократно говорит и пишет Владыка. В своей последней, уже цитированной статье, он утверждает: «Верим, глубоко верим мы, что агрессивные империалистические планы чужды сердцам миллионов «простых людей» Америки и Англии». Величайшим пороком Преосвященный считает жадность стяжательства. «Тем немногим из американского народа, которые дрожащими руками загребают доллары, запачканные кровью, напомним полные истины слова апостола Павла: «Корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям» (Тим. 6, 10). В течение своей долгой и светской и духовной жизни Владыка остается неизменным в своих симпатиях к трудящимся «простым людям», осуждая и большую, как у американских магнатов, и малую корысть.

Нынешние его сопастыри по Крымской епархии хорошо знают эту черту Владыки. И проповедуя, и принимая репрессивные меры, он всячески старается искоренить, в особенности среди духовенства, корыстолюбие. «Великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему; я желал бы лучше сам быть отлученным от Христа» (Рим. 9, 2—3), чем видеть, как некоторые из вас отлучают от Христа, от веры в Него и любви к Нему слабых верою овец стада Христова своим корыстолюбием» — обращается Владыка к своим сопастырям в послании от 30 марта 1948 г. Перечисляя ряд примеров стяжательства священников, он говорит, как строго будет взыскивать с тех, кто свое священнослужение превратит в источник личного обогащения. «Что делать с таким священником? — пишет он в послании. — Попробую устыдить его, затронуть лучшие стороны сердца его; переведу в другой приход со строгим предупреждением; а если и там не исправится, уволю за штат и подожду — не пошлёт ли Господь на его место доброго пастыря».

Известно, что сам архиепископ Лука не только далек от всякого стяжания, но много помогает бедным и раздает неимущим. В «ЖМП» № 3 за 1946 г. опубликована его телеграмма И. В. Сталину с просьбой принять 130.000 рублей, то-есть большую часть полученной за медицинские труды Сталинской премии «на помощь сиротам, жертвам фашистских извергов». И. В. Сталин в теплых выражениях поблагодарил архиепископа Луку.

С большим рвением относится Преосвященный Лука к своим архипастырским обязанностям. Позволю себе опять процитировать частное письмо Владыки: «Верно, конечно, то, что Вы пишете о лечении больных. Но Вы не знаете, как необычайно высоко ценят меня, как духовного врача. Очень многие говорят и пишут (даже отовсюду), что я оживил их духовно, возродил к новой жизни, и в самых трогательных выражениях изливают свою благодарность и любовь. Они пишут, что, как ни высока моя медицинская деятельность, но архиерейская неизмеримо важнее. Я и сам так думаю».

Любимое дело Владыки — богослужение и проповедь. В молитву и в поучение он вкладывает всю свою душу. Большая страстность и вдохновение звучат в произносимых им словах. Светом истины, которая сияет перед его духовным взором, он старается осветить души своей паствы.

«На кресте воссияло солнце правды, солнце любви, озарившее весь мир светом своим, светом Божественного сострадания, — говорит Владыка в «Слове в Великую пятницу». — И от этого солнца зажглись миллионы, миллионы сердец тех людей, которые всей душой возлюбили Господа Иисуса, в сердцах которых огненными буквами были начерта-

ны слова Его: «Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе и возьмет крест свой и по Мне грядет».

Избрав себе путь ко Христу, и взяв в руки свой крест архиерейского служения Православной Церкви, Преосвященный Лука несет его со всем подобающим его чину «служением примирению», что означает, по словам покойного Святейшего Патриарха Сергия, «жить не своей особой жизнью, а жизнью паствы, болеть ее болезнью, нести ее немощи с единственной целью: послужить ее спасению, умереть, чтобы она была жива. Истинный пастырь постоянно, в ежедневном делании своем «душу полагает за овцы», отрекается от себя, от своих привычек и удобств, от своего самолюбия, готов пожертвовать самой жизнью и даже душой своей ради Церкви Христовой, ради благополучия словесного стада».

Да поможет Господь и впредь на много лет нашему юбиляру идти этим путем совершенства!

А. Шаповалова

речи, проповеди

ДАРЫ

Слово

сказанное в Пименовской церкви г. Москвы

„Слава Тебе, Христе Боже, упование наше, слава Тебе“.

В конце каждой нашей православной службы, дорогие мои, и Литургии, и всенощного бдения, и молебна, и панихиды, и отпевания — вы слышите эти святыя слова. Их произносит совершающий богослужение священник или архиерей.

Сейчас, когда заканчивалась самая торжественная наша православная служба — Божественная Литургия — от лица всех вас хор трижды воспел: «Буди имя Господне благословенно отныне и до века». И от лица всех вас я, недостойный, совершавший Литургию, произнес пред последним ее возгласом эти священные слова: «Слава Тебе, Христе Боже, упование наше, слава Тебе».

Возглашая эти слова, наша Святая Церковь зовет всех вас воздать из глубины наших верующих сердец хвалу Господу нашему Иисусу Христу, нашему Упованию. Она хочет, чтобы мы принесли к ногам Христовым всю нашу к Нему любовь, чувство благодарности за все те бесчисленные милости Божии, какими Господь оделяет всех нас щедрою рукой, как любящий своих детей отец.

О, какой неисчислимый и неиссякаемый поток этой милости Божией к нам нашего Небесного Отца изливается на нас, и какая благодарная ответная любовь должна гореть в наших сердцах!

Уже за одно то, что мы здоровы, что мы могли придти в этот святой храм и видеть то, что мы здесь видим, и слышать то, что улаждает наше верующее сердце, уже за одно то, что в груди каждого из нас бьется живое сердце, за то, что мы живем, за нашу жизнь, дарованную нам Господом, — да будет Ему хвала, да будет Ему слава, да будет имя Его благословенно отныне и до века! Ведь жизнь — это великий Божий дар. У нас всегда бывает, что мы только тогда умеем ценить что-нибудь дорогое, когда его теряем, и многие из нас только тогда, когда жизнь начинает сокращаться и угасать, когда мы лишаемся здоровья, — только тогда научаются ценить это бесценное счастье.

Мы любимся звездным небом, наслаждаемся красотой расстилающихся перед нами лугов и полей, восхищаемся произведениями рук человеческого гения, бессмертными творениями искусства, мы имеем способность мыслить, обогащать себя знаниями, мы трудимся, мы любим, мы имеем друзей. Разве все это не великое счастье, какое дается нам

Господом? И славу Ему, и благодарение Ему за этот великий дар мы должны приносить день и ночь.

Этого мало. Нам Господь дает не только жизнь. Сюда, в храм Божий, мы приходим не просто зрителями. Мы приходим сюда как дети Небесного Отца, приносим сюда сердце, в котором горят святые, светлые чувства: вера, надежда, любовь.

Дух Святой от дней нашего младенчества, от дней нашего чистого детства зажег в наших сердцах огонь веры в нашего Небесного Отца и в Его Божественное Промышление о нас, надежды на Божию милость, нашей крепкой надежды на Сладчайшего Господа, как на несокрушимую стену, и любви к Тому, Кто дал нам жизнь и счастье веровать в Него.

Мы знаем, что нет на земле человека счастливее того, кто знает Господа, Создателя нашего, кто верует в Него, идет за Ним, надеется на Него, любит Его. И вот за то, что Господь не только дал нам жизнь и радость ею наслаждаться, носить в себе биение этой жизни, но дал и радость знать Его и идти за Ним, и у ног Его находить для себя всю полноту земного счастья, — за все это да будет хвала нашему Господу Спасителю!

По слабости своего духа мы впадаем в грехи. Мы легко поддаемся ослеплению житейской суетой, захватывающей нас в свой плен, легко забываем о том, что мы созданы и посланы в этот мир Господом для жизни вечной. Мы забываем о том, что нас ждет смерть, а за нею — Суд, что в жизни будущего века верных Господу детей ожидают радости и блаженство в доме Небесного Отца.

И вот мы приходим в храм Божий. Здесь вечное никогда не умирающее слово Божие стучится в наши сердца, будит нас от греховного сна, напоминает о том, что все мы здесь, на земле, — странники и пришельцы, и что мы все идем в вечное, нетленное Царство нашего Небесного Отца. Мы слышим здесь слово Божие за каждым богослужением: оно читается, оно поется в заповедях блаженства, в молитве, преподанной Самим Господом: «Отче наш». Как столп, облачный днем и огненный ночью, некогда указывал древним израильтянам в пустыне путь в землю обетованную, слово Божие указывает нам путь к небу и учит, как жить достойно христианского звания. И за то, что Господь оставил нам Свое божественное слово, доступное разумению и детей и отроков, и одинаково близкое и дорогое простецу и ученому, и старому и молодому, за слово Божие, преподанное нам Господом в научение, во спасение, в подкрепление в напасть и скорбях, — да будет слава нашему Упова-нию, Господу Иисусу Христу!

Когда мы в конце Божественной Литургии провозглашаем эти священные слова хвалы нашему Господу: «Слава Тебе, Христе Боже», — мы вкладываем в них и особый смысл. Божественная Литургия в своих священнодействиях отображает нам всю земную жизнь Господа Иисуса Христа от Его рождения (проскомидия) до Его преславного Вознесения на небо, когда священник с чашей в руках произносит в царских вратах: «Всегда, ныне и присно, и во веки веков», напоминая слова Спасителя, сказанные Им в день Вознесения: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28, 20).

За этой самой торжественной православной службой мы вспоминаем искупительный подвиг Спасителя, Его крестную смерть; за Литургией бескровно закаляется Агнец Божий; совершается чудо пресуществления приуготовленных хлеба и вина в Пречистое Тело и Животворящую Кровь Христовы. Все верующие призываются «со страхом Божиим и верою» приступать к святой Чаше Спасения. И хотя мы не умеем очистить себя как должно от множества своих прегрешений и полны смрада греховного, Господь входит под кров нашей души и тела Своими божественными Тайнами и питает нас, соединяя с Собой навеки. Какая

же это милость Господня и какое счастье для верующей души — соединиться с Господом и телом, и душой! Даже ангелы — чистые и бесплотные духи — не удостоены этого счастья. Только мы, которых Господь назвал Своими детьми, являемся причастниками Божественного Тела и Крови Господних.

Когда в конце Божественной Литургии вы слышите восторженные слова: «Буди имя Господне благословенно отныне и до века» — влагайте в эти слова, повторяя их своим сердцем, всю вашу любовь, благоговение, преданность, благодарность Богу за то, что Он благоволил «нас ради человек и нашего ради спасения» принять крестную смерть; за то, что благодатью Своей очищая наше сердце от грехов, Он не лишает нас чести и радости быть Его причастниками, хотя по грехам нашим мы заслуживаем не этой превеликой милости, но праведного наказания Божия.

Вы слышите и в конце панихиды и отпевания после «надгробного рыдания» те же слова хвалы: «Слава Тебе, Христе Боже». Поплакав над гробом своего дорогого и близкого, мы и в эти минуты воздаем славу Господу. За что? Святой апостол Павел говорит, что только язычники, не имея «упования», впадают в отчаяние и плачут безнадежными слезами, провожая в вечность своих близких. Мы славословим Господа и стоя у гроба за то, что Он в каждого из нас вложил бессмертную душу; за то, что и тот, кого мы провожаем в «путь вся земли», не умер, но своей бессмертной душой отходит к Господу, нашему общему Небесному Отцу. Никогда не умирающую душу мы провожаем с надгробными песнопениями в это царство будущего века. Мы благодарим Господа за то, что и сами не умрем душой и, уйдя туда, где не будет разлуки с близкими, если будем достойны, увидим и своего отца, и свою мать, давно почивших, увидим там, где все верующие в Господа соберутся у ног своего Сладчайшего Спасителя, имя Которого да будет благословенно отныне и до века.

А каким бесценным Божиим даром является бессмертная душа, вложенная в каждого из нас Господом! Подумайте об этом!

Душа наша неоцененна: из всех созданий Божиих она — самое высшее создание после ангелов. Человек сотворен «по образу и по подобию Божию» (Быт. 1, 26), и каждый из нас носит их в себе. И хотя наши грехи и страсти загрязняют этот образ Божий и стирают в нас его черты, но мы не можем сомневаться в том, что печать его мы несем на себе, ибо сказано в священной Библии: «И сотворил Бог человека по образу Своему» (Быт. 1, 27).

Душа наша не имеет цены. Господь Иисус Христос однажды как бы положил ее на весы, сравнив ее со всеми богатствами и ценностями земного мира, и сказал, что эти богатства — ничто в сравнении с душой. «Какая польза человеку, если он приобретает весь мир, а душе своей повредит?» (Мф. 16, 26).

Душа наша драгоценна. Для чего Господь Спаситель приходил на землю в смиренном и уничиженном виде, лежал в яслях Младенцем, терпел гонения от Ирода вскоре же после Своего рождения, в дни Своего земного подвига подвергался издевательствам, насмешкам, проклятиям со стороны своих врагов, а в последние дни был избит, окровавлен и, еле живой, прибит ко кресту? Все эти мучения Он претерпел для искупления наших грехов и спасения наших бессмертных душ.

О, что ждет нашу душу! Она предназначена к вечному блаженству! Святой апостол Павел говорит: «Мы — дети Божии. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники Христу» (I Римл. 8, 16—17).

Какими способностями наделил Господь нашу бессмертную душу! Он дал ей разум, который вбирает в себя неисчислимое множество зна-

ний. Он дал каждому из нас свободу духа, никого насильно не при-
нуждая идти за Собой, а только обращаясь к нам с этим зовом. Какую
же ценность приобретает от этого каждая добродетель христианская,
каждый подвиг христианина, если они совершаются добровольно и рож-
даются в глубине свободного человеческого духа! Вот такая у нас душа!
Это великий дар Божий, оценить который не в силах наша мысль и
наше сердце.

Но разве можем мы исчислить все неиссякаемые дары нашего Не-
бесного Отца? Каждого из нас еще младенцем Господь вручил попе-
чению ангела-хранителя. Господь дает нам тысячи небесных друзей
на нашем жизненном пути. Тысячи святых — это наши руководители в
духовной жизни, сияющие красотой своих подвигов и своей чистой души.
Нет такой добродетели христианской, которая не имела бы в лице свя-
тых угодников своего наивысшего воплощения. Но святые не только
учат нас своим примером жить по заповедям Божиим: они же — и мо-
литвенники за нас, получившие от Бога дерзновение передавать наши
молитвы Господу и от Него низводить на нас божественное благосло-
вение.

Господом нам дано счастье быть детьми Святой Церкви Христовой,
жить под покровом и благодатными заботами о нас нашей Небесной
Матери, Пресвятой Девы Марии.

Так вот, мои дорогие, заканчивая каждую свою службу, Святая
Церковь напоминает нам о том, что в ответ на нескончаемые милости
Небесного Отца мы должны уметь благодарить и славословить свое
«Упование» — Сладчайшего нашего Спасителя. Мы должны благодарить
Его и этими словами хвалы, и теми чувствами умиления и благоговения,
какие рождаются в нашем сердце, когда мы слышим этот призыв
Церкви к словословию Господа. Но Господь ждет и требует от нас и
других проявлений нашей сыновней любви. Ведь и жизнь, и здоровье,
и слово Божие, и Святая Чаша, и наше бессмертие, — все это те та-
ланты, которые Господь вручает каждому из нас. Горе тому из нас,
кто эти таланты зароет в землю, как зарыл их ленивый раб (Мф. 25,
25), и счастье, вечное счастье тому, кто эти таланты, данные Господом,
возвратит Ему умноженными, посвятив свою жизнь Ему, и услышит от
Него в будущей жизни радостный и благодатный голос: «Рабе благий
и верный... вниди в радость Господа твоего» (Мф. 25, 21).

Господь дает нам жизнь, чтобы мы этой жизнью послужили Ему и
делу нашего вечного спасения; дает бессмертную душу с тем, чтобы мы
приготовили ее для будущей жизни, уберегли ее от вечной гибели, очи-
щая ее от грехов и страстей и украшая красотой добродетелей; дает
здоровье, чтобы мы были не ленивы на нашей молитве и дома, и в
храме, чтобы мы имели силы послужить нашей любовью ближнему
своему; дает нам дар речи, чтобы этим даром мы послужили
прославлению имени Божиего своими молитвами и делами своей
любви. Оставил нам Свое слово, чтобы мы находили в нем опору в
жизни и руководство на пути к вечной жизни. Зажег в нашем сердце
огонь веры, чтобы мы эту веру укрепляли, умножали и ею спасались.
Дает нам святых, чтобы мы подражали их добродетелям. Вручил нас
покрову Своей Матери, чтобы мы не впадали в отчаяние и уныние
в скорбях и напастьях.

Если мы будем ко всему этому стремиться, мы этим достойно воз-
благодарим Господа и за радость жить, веровать в Бога, никогда не
умирать и быть наследниками блаженной жизни в Небесном Царстве.

Дорогие мои, мы идем за своим Господом лениво, небрежно, недо-
стойно священного имени христианина. Ища вечного спасения, мы хро-
маем на оба колена: служим Господу и греху. Но так не должно быть!
Господь ждет от всех нас, чтобы мы полюбили молитву, исполнение

Его святой воли считали бы для себя самым священным долгом своей жизни, чтобы мы берегли свою душу от вечной духовной смерти, чтобы добрые дела были спутниками каждого дня нашей земной жизни, чтобы мы достойно приобщались Тела и Крови Христовых. В жизни со Христом мы найдем всю полноту счастья. И за это счастье веры, надежды и нашей сыновней любви ко Господу да будет имя Его благословенным отныне и до века!

Митрополит Николай

С т а т ы

СВЯТАЯ НОЧЬ У ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ

„И нас на земли сподоби чистым
сердцем Тебе славить.“

Приближаемся к Загорску. Уже виднеется золоченая вершина лаврской колокольни, а затем из-за лесов показываются голубые и золотые главы Успенского собора, красиво блестящие под лучами заходящего солнца.

Какое приятное и глубокое чувство мира и покоя охватывает вас всегда по мере приближения к местам, освященным жизнью, трудами, примером кротости и молитвами Преподобного Сергия!

А сегодня, кажется, и сама природа, пробуждающаяся от зимнего сна, как бы вторит и усугубляет праздничное настроение верующих.

Но вот и Загорск. Вечер. Успенский собор пока пуст. К Трапезной церкви тянется длинная лента богомольцев, спешащих приложиться к Плащанице и мощам преподобного и освятить куличи и пасхи.

Церковь полна молящимися. На высоком подсвечнике у мощей преподобного теплится множество свечей, свет от которых при общем полумраке в церкви, создает какую-то особую таинственность и теплоту. А у изголовья мощей преподобного стоит высокий седой схимник о. Алексий, одетый в черную схиму с белыми крестами и письменами, благословляя народ. Благоговейно склоняемся к святой раке преподобного с молитвой и с мыслью о своих личных немощах и грехах, памятуя, что ведь в этой раке находится неугасимый светильник и неусыпный молитвенник за всех нас, верный сын русского народа.

Выходим из церкви, а на обширном лаврском дворе виднеются группы богомольцев, издалека приехавших сюда отовсюду.

Мелькают черные рясы и скуфейки монахов, переносящих богослужебную утварь в Успенский собор, открытый после зимы только сегодня.

Невольно бросаем свой взгляд на ограду Духовной Академии, на узорчатые рамы окон здания Академии, на покои о. ректора и зал для ученых диспутов и защиты диссертаций. Вспоминается, что в этом здании работали многие ученые, имеющие мировую известность, и из этих стен вышел Святейший Патриарх Алексий.

Медленно сгущаются весенние сумерки, долго еще держится на горизонте розовая заря и, кажется, не хочет погаснуть.

А через двор по лестницам в Трапезную церковь все тянутся и тянутся фигуры богомольцев с белыми узелочками.

Входим снова в церковь. Над мощами уже зажжены красные и зеленые лампы. На амвоне, лицом к народу, молодой инок читает Деяния Святых Апостолов.

В 11 час. ночи раздается мелодичный звон на высокой колокольне. Богомольцы зажигают свечи и вся галлерея около храма и двор освещается множеством свечей в руках молящихся.

Пробираемся в Успенский собор. Здесь служит наместник Лавры, архимандрит Иоанн (Разумов) в сослужении шести иеромонахов и двух диаконов. Быстро проходит полунощница. Последний раз слышатся красивые и глубокие мотивы: «Волною морскою... Ят бысть, но не удержан в персех китовых Иона, Твой бо образ нося... Не рыдай Мене, Мати...»

Плащаница унесена в алтарь. В толпе молящихся слышится, что крестный ход приближается к Успенскому собору. Но вот из собора величественно двинулась торжественная процессия в преднесении хоругвей, крестов и икон.

У западного крыльца собора обе процессии сливаются в один мощный людской поток, который заключает высокая, стройная фигура архимандрита Иоанна, облаченного в древнее облачение, расшитое золотом, с большим напрестольным крестом и трехсвечником в левой руке и кадильницей в правой.

Вся эта сверкающая и блещущая огнями свечей процессия под музыкальный мелодичный трезвон лаврских колоколов, при всенародном пении «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небеси...» медленно следует вокруг собора.

Трудно передаваемая картина торжества христианства в эту Светлую Ночь! Здесь, в присутствии всегда живого в нашем сознании Преподобного Сергия, невольно утверждаешься в вере, что Он невидимо для нас идет сейчас с нами, как в древние былые годы, возглавляя пасхальное торжество, он, сам, смиренный игумен до сего дня близкой русскому сердцу Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

С мощной силой звучит первая весть Христова Воскресения: «Христос воскрес из мертвых». Сильным приливом волн народных подхватываются эти слова из уст наместника и, подобно морскому отливу, уносятся с соборного крыльца в массу народную.

Торжественно входит процессия в собор и начинается пасхальный канон. За каждой песнью канона священнослужители, в течение утрени, меняя облачения, совершают каждение храма, возглашая о Воскресении Христа. После пения канона наместник Лавры проникновенно, громко и чеканным отчетливым языком читает Огласительное слово святого Иоанна Златоуста. Оживленно и восторженно проходит обряд христосования.

Закончилась пасхальная утренья; быстро поются пасхальные часы и начинается Божественная Литургия.

За Литургией долго и громко девять священнослужителей читают святыне, глубокие по содержанию, слова из 1 главы Евангелия Иоанна Богослова.

На английском языке с великолепным произношением читает сам архимандрит Иоанн, иеромонахи читают на греческом, болгарском, славянском и русском языках.

Вся служба проходит быстро, не чувствуется усталости, и кончается на рассвете, к четырем часам утра.

Долго звучит пасхальный трезвон, и с чувством глубокой радости и духовного удовлетворения возвращаемся домой.

Восходящее солнце, разбрасывая свои яркие лучи на всех, радостные голоса богомольцев — все это еще более всех умиляет.

Но вот мы снова в поезде. Из окон вагона видны главы Успенского собора. Мы любимы милыми и любимыми картинами, но поезд тронулся, быстро мчит нас домой, и мы в последний раз взглянули на золотую вершину колокольни, и скрылась она от нас за набегающими лесами.

Даниил Двинский

ДЕНЬ СЯТОИ ТРОИЦЫ

По воскресении Своем Христос много раз являлся ученикам, беседуя с ними, «...и сказал им: так написано, и так надлежало пострадать Христу и воскреснуть из мертвых в третий день» (Лк. 24, 46) «и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима» (Лк. 24, 47).

Чтобы возвестить всему миру об избавлении от вечной гибели, об искуплении Богом, Его святою кровью, человеческого рода, Спаситель посылает учеников.

Совершив дело спасения нашего, и возносясь от земли на небо, Христос завещал апостолам быть вместе, не расходиться из Иерусалима и ждать Духа Утешителя.

«...Я пришло обетование Отца Моего на вас, вы же оставайтесь в Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше» (Лк. 24, 49).

В пятидесятый день от Воскресения Христова, когда все они находились вместе на молитве, Дух Святой сошел на них в виде огненных языков, и апостолы получили дар проповедничества и силы для несения подвига апостольского служения, неизбежно связанного с большими трудностями, лишениями и гонениями.

Осененные силою свыше, по наитию Духа Святого, они начали говорить на языках многих, так что речь их была понятна людям, говорящим на разных языках, и дивился народ, слыша слова обращенной к ним проповеди каждый на родном их наречии.

Впервые апостолы начали говорить перед народом о Христе, как о Боге, приходившем на землю ради нашего спасения, призывая уверовать в Него. Уже не было у них страха перед преследованиями и гонениями. И апостол Петр, по человеческой немощи, отрекшийся от Своего Учителя из страха подвергнуться Его участи, теперь свидетельствовал о Боге, как самый преданный и пламенный ученик Христов.

Слова проповеди западали в сердца людей.

Вероятно, что среди них были те, которые не уверовали в Христа, как в Сына Божия, когда Он Сам ходил по земле и учил народ, или усомнились в Его божественности и всемогуществе, видя Его висющим на кресте, униженным, страждущим, умершим и погребенным и только позднее обрели веру, став более готовыми к восприятию Истины Божией.

В тот день уверовали и крестились около трех тысяч человек.

С этого дня образовалась и начала свое существование Церковь Христова. Имя Божие стало проповедываться и далеко за пределами Иерусалима; глаголы Нового Завета проникали все дальше и дальше.

«Во всю землю изыде вестие их, и в концы вселенной глаголы их».

Нелегко было тогда проповедывать: языческий мир, огрубевший в своих заблуждениях, недружелюбно встречал проповедь о правде Божией.

Укрепляемые Духом Святым апостолы шли повсюду с проповедью Святого Евангелия, неся свет Христова учения миру, как завещал им Спаситель.

Проповедь галилейских рыбаков имела великую силу, потому что они исполнились благодати Духа Святого, умудряющего и воодушевляющего на высокое апостольское служение.

Благодать Духа Божия животворящего, все собою наполняющего, «сокровища благих и жизни подателя», проникает в человеческую душу, способствуя ее просветлению.

Богатство духовных сокровищ преумножается в душах и при содействии Духа Святого в них пробуждаются и возрастают святые стремления и чувства.

Люди стали воспринимать веру уже не в силу очевидности, но по внутреннему чувству, которое заложено в человеке, составляет его духовную сущность, порождает в нем желание святого и высшего; обращает к светлому началу.

Не это ли внутреннее чувство святого и высшего над нами привело св. великомученицу Варвару, воспитанную в семье с языческим мировоззрением, но, как мы знаем из ее жития, любившую вглядываться в звездное небо, — к вопросу о том, кто создал эту красоту? и заставило ее искать и привело к истинному Богу, уверовав в Которого, она не пожелала отречься от Него и пошла на мученическую смерть.

История развития христианства может дать множество примеров пробуждения в человеке духовных запросов их возвышения, перерождения человека, победы в нем светлого над мрачным, доброго над злым.

Влияние Христова учения наложило свой отпечаток на духовный облик и на внешнюю жизнь человечества.

От Дня Святой Троицы началась проповедническая деятельность апостолов, распространивших христианскую веру и весть о Истинном Боге и о земном подвиге Спасителя, давшего нам дивную радость Светлого Христова Воскресения. И хотя пасхальные песнопения прекращаются с отдания Пасхи, но ее незаходимый свет, воссиявший над миром, отражается и на последующие дни, на всю нашу жизнь. В течение всего года воскресный день напоминает нам о том.

Все, что совершил Христос, живя на земле, увенчано славой, величием и обаянием святости.

Бог не оставил мира, но послал Духа Утешителя, через Которого исходит благодать Божия, одухотворяет, живит, обновляет духовное естество человека, вселяя и укрепляя чувство веры, которое, как проявление жизни бесплотного духа, не ищет вещественных доказательств, освящаемых руками или видимых телесными очами, но действительно в нас, ибо дает пережить глубокую духовную радость, что составляет лучшее в нашей жизни.

Чувство веры, ее радости доступны людям различного культурного уровня и занимаемого ими общественного положения, — это достояние всех людей, и только отчуждение от Бога может умертвить в душе ее природную потребность.

Собравшись в храме на молитву, с радостным трепетом мы преклоняем колени перед Богом, прославляя Его и прося, чтобы Он послал нам Духа Святого, посетил наши души Своею благодатию, направил к добру нашу волю, просветил сердце и разум.

Но, чтобы не заглохла в нас духовная жизнь, мы должны стремиться к источнику ее — к Богу мыслями, чувствами, делами и всей жизнью.

Потому что «Бога без Бога познать невозможно». И если мы будем искать Его при помощи Божией, наша душа познает Господа. Но всякое

познание бывает плодом изучения и участия чувства любви, которое служит побудительной силой к достижению намеченной цели.

Известно также, что силы и способности как физические, так и духовные могут развиваться и вырасти, если прилагать к тому усилия, или заглушить при нашей беспечности.

И подобно тому, как человек, углубляясь в изучение избранной им науки, все больше открывает в ней сторон для познания и сокровищ, глубже сознает и убеждается в ее значении, тем с большей любовью посвящает ей свою жизнь, — развитие духовное открывает человеку бесконечное множество сторон для познания святого и совершенного. Оно обогащает внутренний мир человека нетленными сокровищами, наполняет неотъемлемой, непреходящей радостью. Приводит к счастью не только одним рассудком, но чувством познавать и ощущать веяние высшего, одухотворяющего святого начала в душевных движениях, в чистых переживаниях сердца, в способности мышления, в достижениях науки, в великодушном поступке, в чуткости какого-либо человека, в красоте Божьего мира, — это чувство, проникая в душу, оживляет ее силы, озаряет и разум.

Чтобы живо воспринимать святое, надо искать общения с Богом — через молитву, добрые дела стремиться к Нему.

Только святое и достойное дает великое удовлетворение, возвышает душу, составляет подлинное счастье, придает содержательность, глубокий смысл и значение земной жизни.

Ведь когда мы, хотя бы только слышим о прекрасном, святом и высоком: будет ли это пример созидательного, в любой его области, труда человека, отдающего все свои дарования и силы на бескорыстное служение Родине на общее благо; светлый ум, направленный на изыскания новых и новых путей к улучшению быта, наибольшего облегчения и рационального использования человеческого труда, или чистота души, доброта и чуткость во взаимоотношениях людей, заставляющая оказывать моральную и материальную помощь друг другу, проявлять милосердие, принимать участие в чужом горе с тем, чтобы разделить и облегчить его, — тогда мы испытываем радость жизни. Точно также как при известии о совершившемся злодеянии, при столкновении с грубостью, эгоистичностью, нежеланием человека сделать что-либо доброе — исчезает в нас жизнерадостность.

Человеческая душа живо, непосредственно ощущает как веяние святого и доброго, так и гнетущую тяжесть зла и порока.

Спаситель и призвал людей к борьбе с порочностью, к отрешению от греха, к служению доброму и святому, зная, что человек не будет знать истинного счастья, уступая дурным наклонностям, отстраняясь и оставаясь в стороне от святого и достойного, что влечет к себе нашу душу, является ценнейшим и нетленным сокровищем, обращает к Богу. Он оставил закон добродетели — Евангельское учение, следуя которому человек может достичь совершенных, неотъемлемых радостей вечной жизни. Вместе с этим Господь даровал людям и великое милосердие и Свою помощь на пути к Нему.

Говоря о чудесах, совершенных Спасителем, св. апостол Иоанн Богослов, заканчивает свое Евангелие словами:

«Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг».

И как явленные Господом миру чудеса, так и милости Его неисчислимы и неисчерпаемы и влияние Его божественных глаголов, воскрешающих душу, дающих ей мир и покой и радость о Господе, велико и необозримо.

Не говоря уже о сонмах святых, из которых житие каждого составило бы целую книгу, повествующую о чудесном возвышении человека от

земного до небесного, о благодатном действии на душу слова Божия, невозможно также охватить и перечислить милостей Его к нам и радостей, какие Он посылает: светлые волнения, переживаемые нами в храме за богослужениями, в часы молитвы, в моменты созерцания красот природы, ибо «небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь».

Пышно расцветшая природа, ее богатое убранство, каждый отдельный цветок умирительно прекрасен и напоминает слова Спасителя, сказанные Им о красоте полевых лилий: «... и Соломон во всей славе своей не одевался так, как каждая из них».

Бог создал красоту, все прекрасное, вложил в нас живую душу, осветил земной путь Своим Божественным светом, дал нам храмы святые, где мы вновь и вновь переживаем священные события, где стоим сейчас перед святыми образами, украшенными зелеными ветвями молодых берез,— нашего родного северного поэтического деревца,— через листву которых приветно мерцают лампы, и благодарным сердцем славим Бога и вместе со всеми поем:

«Благословен Ты, Христе Боже наш, соделавший рыбаей мудрецами, ниспославши на них Святого Духа, и через них уловивший вселенную (привлекший к вере). Человеколюбец, слава Тебе!».

Н. Васильева

ТРОИЦЫН ДЕНЬ

Троицын день — один из главнейших праздников Православной Церкви. Величие его состоит в том, что Господь наш Иисус Христос исполнил обетование, не единожды данное Им избранным ученикам. В пятидесятый день по Светлом Воскресении Христовом посланный Отцом Небесным Дух Святой сошел на простых галилейских рыбаков, дабы они во всеоружии веры понесли во все концы вселенной гуманнейшее учение о мире и любви к ближнему. Почти две тысячи лет протекло с того дивного дня. За это время Божественные Истины пленили своей возвышенностью и простотой большую часть человечества. Христианство распространилось над миром, как исполинский благоуханный цвет, чуждый увядания и тления.

В нашей стране, где традиции православия необычайно бережно передаются из поколения в поколение, церковные праздники справляются с особой торжественностью. Среди них Троицын день выделяется очаровательным своеобразием. Сколько обычаев и преданий связано с этим днем и восходит своими корнями к нашим далеким предкам-славянам?! Плетение венков и хороводы, костры на лесных полянах и девичьи гаданья — от всего этого веет глубокой стариной. Разве не согласится всякий, что эти трогательные обряды, уцелевшие и доньше, придают быту русских людей неповторимую прелесть?

Празднование у православного человека выражается прежде всего в посещении Дома Божия. Поэтому храмы в нынешнее утро переполнены молящимися немногим меньше, чем на Рождество или Пасху.

* *
*

„Во дворех Твоих воспою Тя, Спаса
мира. . .“

Под сводами какой бы церкви мы не очутились в это воскресенье, всюду встречает нас прекрасная картина. Если верующие стараются украсить храм растениями в течение всего года, то сегодня он совершенно утопает в зелени. Иконостас красиво убран древесными ветвями. От небольших еще листьев березы, которые, будучи внесены в помещение, уже через малое время начинают никнуть и медленно свертываются в трубочки, исходит сильный и пряный запах. К аромату вянувшей березы примешивается запах различных цветов и травы, которую разбрасывают по полу.

Еще в первые века христианства возникло благочестивое обыкновение приходить сегодня к обедне с цветами. Поэтому мы не увидим в

ва матери нашей, Ты еси Бог наш... Призри с высоты святая Твоя, Господи, на предстоящие люди Твоя, и чающие еже от Тебе богатые милости...». И мы веруем непреложно, что Вседержитель, «просветивый день светом солнечным и ночь уяснивый зарями огненными», внимлет сему молению нашему, соблюдет нас силою Своею и избавит от всякого обстояния.

Глядя на притихшую в благоговении массу людей, еще и еще раз убеждаешься в том, какую полезную деятельность осуществляет Православная Церковь, неустанно направляющая наши помыслы и усилия к самосовершенствованию, на служение обществу и ближнему своему. Воистину наитие Св. Духа, испрашиваемое за каждым богослужением — «прииди и вселися в ны», — происходит незримо на предстоящих и молящихся...

Г. А.

церкви ни одного человека без букета, цветка или веточки. Розы и фиалки, ландыши и лилии — цветы садовые, лесные и луговые, привезенные из южных областей или здешние, в бутонах и уже начавшие осыпаться. Куда ни кинешь глазом — всюду цветы, цветы. С ними стоят пожилые богомольцы, которые предпочитают уже по возрасту темные и строгие одежды, — их принесли молодые женщины и девушки, одетые в яркие, нарядные платья. Перед самой солеей столпились как обычно дети, юные и чистые, как только что распустившиеся цветы; каждый из них держит свой букет с известным достоинством.

Что же означает сей замечательный обычай? Очень многое для православного. Мы верим в животворящую силу Святого Духа, в Его дар возрождать все существующее. И где еще, как не в окружающей нас природе, мы можем столь наглядно убедиться в действенности благодати Божией. Какое удивительное превращение наблюдаем мы вокруг себя из года в год? Вот январь с его морозами и короткими днями, когда солнце уже в четвертом часу клонится к западу. Какая глубокая тишина царит в лесу! Никаких признаков жизни: лишь из-под больших пластов снега одиноко торчат оголенные веточки кустов. Кажется, что природа оцепенела навсегда, как покинутое душой человеческое тело.

И вот на смену стуже и бурнам приходит, наконец, теплый солнечный май. Исчезли бесследно снежные покровы: на их месте зазеленели по лугам и склонам холмов бесконечные ковры разнообразнейших растений. Невозможно узнать и кусты сирени, растущие в церковной ограде — до такой степени преобразились они за короткий срок. Резко очерченные, слегка глянцевиные листочки покрывают их теперь с верху до низу. Легкий ветерок раскачивает на их вершинах красивые гроздья — соцветия и уносит с собой нежнейший запах. Произошло таинственное обновление растительного царства.

Истинно сказано в молитве: «От Духа Твоего на плоть всякую, якоже рекл еси, богато изливал еси...»

Когда на наших глазах меняется так дивно Божий мир, когда с каждым днем преумножается его поразительная красота, тогда и нас самих касаются живительные струи. Стоит подняться рано поутру, как чувствуешь себя преисполненным новых сил. Мы движемся быстрее, улыбаемся чаще, ощущаем необычайное упоение трудом.

Таким образом, слова молитвы Св. Духу — «Иже везде сый и вся исполняй» — конкретизируются для верующего в цветении материи и душ. Поэтому мы и несем в храм цветы, как вещественное доказательство нашей веры и радости.

...Во время вечерни (ее принято служить вслед за Литургией) появляются изящные букеты и в руках священнослужителей. В некоторых букетах выделяются белые цветы в форме большого колокольчика с фиолетовым дном и бархатной поверхностью лепестков — я люблю их изумительным строением и вспоминаю дивное речение Спасителя: «Посмотрите на полевые лилии... Говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них» (Мф. 6, 28—29). Не Божественная ли сила превратила горошинку — семя в такой шедевр творения, не Бог ли одевает и питает любую травинку? Кто, кроме Него, «вся премудростию сотворил»?!

...На амвоне, преклонив колена, громко и внятно читает священник три особых молитвы. Маленький столик, где помещается богослужебная книга, усыпан звездочками свежих листьев клена. Опустились на колени и все присутствующие, внимая проникновенным словам. «...Прими нас, припадающих Тебе и вопиющих: ...к Тебе привержени есмы от чре-

ва матери нашей, Ты еси Бог наш... Призри с высоты святая Твоя, Господи, на предстоящие люди Твоя, и чающие еже от Тебе богатые милости...». И мы веруем непреложно, что Вседержитель, «просветивый день светом солнечным и ночь уяснивый зарями огненными», внемлет сему молению нашему, соблюдет нас силою Своею и избавит от всякого обстояния.

Глядя на притихшую в благоговении массу людей, еще и еще раз убеждаешься в том, какую полезную деятельность осуществляет Православная Церковь, неустанно направляющая наши помыслы и усилия к самосовершенствованию, на служение обществу и ближнему своему. Воистину наитие Св. Духа, испрашиваемое за каждым богослужением — «прииди и вселися в ны», — происходит незримо на предстоящих и молящихся...

Г. А.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ ПАТРИАРХИЯ И БАЛКАНСКИЕ СЛАВЯНЕ В 50—70-х гг. XIX в.

(К семидесятилетию освобождения балканских славян от турецко-мусульманского ига)

В ряде своих работ историко-церковной тематики, опубликованных в течение последних лет на страницах нашего «Журнала», автору этих строк довелось потрудиться в частности и над изобличением многочисленных несправедливых упреков и наветов некоторых прежних церковных историков по адресу «греков» вообще и Константинопольской Патриархии — в частности. Надеемся, что наши отечественные и заграничные читатели знают точку зрения автора по этому кругу вопросов.

И в данной работе наша задача — объективно, спокойно, под углом зрения глубокого преклонения перед громаднейшими заслугами Константинопольской (титулярно-Вселенской) Патриархии — хранительницы чистоты православия, рассказать о ее деятельности в той ее части, которая относится к годам героической, полной трагизма борьбе за народную и религиозную свободу, за самую жизнь балканских духовных детей Патриархии.

Общеизвестно, что никогда и нигде гонения на христианство и особенно православие не было столь сильным, как в пределах Турецкой империи в XIX веке. Смертельно больным человеком называли в свое время Турцию. Смертельно раненым зверем правильнее было бы назвать ее (уже к середине столетия), давно бы испутившим дух, если бы зверь не поддерживался англо-французской «камфорой». С иступлением раненого зверя набрасывалась «Блистательная Порта» на наиболее беззащитную часть своих подданных. А этой частью были православные христиане; католики и протестанты чувствовали себя гораздо спокойнее: они были защищены авторитетом и Англии и Франции. Православные могли рассчитывать только на помощь единоверного русского народа.

Исторические документы и непреложные факты говорят о том, что многочисленные представления английского и французского правительств по поводу турецких религиозных стеснений христиан имели в виду только католиков, лютеран и последователей различных толков англиканства.

Очень нелегким было положение Константинопольской Патриархии. Нередко Патриархия не могла выполнять даже текущей церковно-административной работы.

Между тем, ее священной обязанностью было духовное окормление, утешение в скорбях и возможное содействие в устроении быта своей многонациональной паствы.

Чувствовала ли в себе достаточно сил Патриархия для выполнения столь трудной миссии? Не склонялись ли в изучаемый период первостоятели Константинопольской Церкви к мысли о предоставлении неко-

торым народностям Турецкой империи права на самостоятельную организацию церковной жизни? Да, Патриархия, видимо, чувствовала в себе силу. Нет, она не думала поступать хотя бы незначительной частью своей периферии, считая, что только централизованное церковное управление сможет объединить силы паствы и в молитвенном порыве и для общей борьбы за честь и свободу угнетенного люда. Она, Патриархия, в годы, когда греки и славяне поднимались на священную освободительную брань с угнетателями, почитала своей обязанностью направлять эту брань по пути, который ей представлялся правильным.

Как все это выглядело на деле?

Деятельность Патриархии описана чуть ли не день за днем многими исследователями в капитальных трудах на основании подлинных документов Патриаршего Архива (из русских ученых особенно потрудился над этим кропотливый и до крайности скрупулезный в выводах проф. И. И. Соколов. См. «Константинопольская церковь в XIX веке», изд. 1904 г.). Во всех трудах бросается в глаза, что Патриархам изучаемого периода приходилось п о д а в л я ю щ е е большинство времени и усилий затрачивать на... изыскание денежных средств на содержание Патриархии и ликвидации бесконечных долгов. При этом значительная часть времени, которую Патриархам удавалось выкроить за финансовыми хлопотами, уходила на... разрешение брачных и бракоразводных дел (ни одна поместная Церковь ни при каких обстоятельствах, даже в самые безмятежные периоды своего существования, не уделяла брачным вопросам такого внимания, как Константинопольская в тяжелое для себя время).

С 1850 г. Патриархия еще больше обеднела в связи с провозглашением автокефалии Церкви Греческого королевства. Отныне паства Константинопольской Церкви состояла из нескольких тысяч греков, проживающих на территории Турции, которые количественно терялись во многих сотнях тысяч православных славян Малой Азии и Балканского полуострова. Таким образом, Константинопольская Церковь по национальному составу пасомых-мирян не менее, чем на $\frac{9}{10}$ была не греческой, по составу иерархии и мирян — участников представительных органов церковного управления не менее, чем на $\frac{4}{5}$ — греческой. Эта справка необходима для понимания дальнейшего.

Церковь духовно объединяла наиболее угнетенную в материальном, бытовом, правовом и духовно-культурном отношении часть не турецкого населения Турецкой империи. В таких условиях особенно возрастало значение Патриарха как духовного и в известной степени вождя труждающихся и обремененных национальных меньшинств Турции.

Пятидесятые — семидесятые годы XIX века ознаменованы жесткой экономической, дипломатической и вооруженной (Крымская война 1853—1855 гг. и Русско-турецкая война 1877—1878 гг.) борьбой великих держав за преобладание в районе Босфора и Дарданелл, имеющих мировое экономическое и немалое стратегическое значение.

Вопрос о владении Святыми местами Палестины был не основной причиной, а лишь поводом к Крымской войне. Равно и для войны 1877—1878 гг. защита православных от угнетения, хотя и не была простой «зацепкой» — поводом, но имела для правительств значение подсобной задачи.

Обаяние России в глазах православного населения Востока возросло после 1774 года, когда в силу Кучук-Кайнарджийского мирного договора «Блистательная Порта» должна была громогласно признать Россию покровительницей восточного православия.

Правда, как известно, Россия к 50-м годам XIX века была дипломатически оттеснена на второй план в восточных делах. Зато все более внушительно для Турции звучал голос «коварного Альбиона» — Англии. Английский посол, «христианин» Рэдклифф, проявил себя как последовательный враг православия. Именно он интригански вдохновил султана на дерзкий отказ в удовлетворении законнейших требований России, касающихся прав восточного православия, ободрил Турцию к провоцированию России на вооруженное выступление.

Получив заверения Англии и других европейских стран в поддержке, мусульманская Турция усилила свои неистовства особенно в своих Балканских владениях.

Россия летом 1853 г. ввела свои войска на территорию Дунайских княжеств. Лишь под натиском Англии Турция решилась объявить России войну (4 октября 1853 г.).

В манифесте русского правительства провозглашено, что причиной принятия вызова Турции было стремление России к «удовлетворению за те оскорбления, коими она (Турция) отвечала на самые умеренные наши требования, на законную заботливость нашу о защите на Востоке православной веры, исповедуемой и народом русским».

Очень легко убедиться, что даже разоблачение территориально-захватнических намерений русского царизма (если бы такое разоблачение в широких размерах имело место) не могло бы помешать широким массам балканских и малоазиатских православных признать цели начавшейся войны освободительными. Действительно, даже территориальное поглощение Россией балканских и прибосфорских земель, если бы оно тогда совершилось, было бы для угнетенных народностей гораздо меньшим злом, чем дальнейшее пребывание их под турецким игом. В таких условиях султанская Турция не могла рассчитывать на благожелательный для нее нейтралитет и спокойствие православных национальных меньшинств; участие же этих меньшинств в рядах турецкой армии султаном всерьез и не предполагалось. Самое большое, на что могла надеяться правящая клика Турции — понудить духовного главу православия, Патриарха, удержать свою паству от прямых антитурецких выступлений. Авторитет Патриарха еще был велик, сознание, что Церковь пойдет вместе с народом, было живо.

Момент для Патриархии был исключительно благоприятным, хотя и сложным.

Ей нужно было избрать одной из трех положений:

1) призвать к единению всех единоверно-православных народов, благословить паству на священную брань за национальную и религиозную свободу. Это бы навеки прославило Вселенский престол, поставив его во главе православного мира, но могло бы (при неблагоприятной международной обстановке) привести к мученической кончине Патриарха и его ближайших соратников;

2) призвать Церковь, белое и монашеское духовенство к нейтралитету в войне. Это удовлетворило бы султанское правительство и хотя не увенчало бы лаврами Патриархию в глазах народов, чающих избавления от ига, но было бы оправдано канонически, как невмешательство Церкви в политику (в данном случае — оправдано, если бы не по духу канонов, то по крайней мере, по букве их);

3) призвать Церковь к прямой поддержке мусульманства в войне с православными народами; совершив этот акт нравственно-православного самоубийства, Патриархия противопоставила бы себя чаяниям подавляющего большинства. Вместе с тем, как говорил здравый смысл, такой акт именно по причине его чрезмерности лишь на короткое время приятно изумил бы правительство, но вскоре заставил бы последнее пойти на еще более беспримерно-постыдный нажим на Церковь.

Патриарх Анфим VI, только что занявший вторично первосвятительский престол, немедленно избрал линию действий.

В первом же своем послании епископам Константинопольской Церкви он не ограничился призывом к учительности в духе христианской любви к ближнему. Понимая, что в стороне от событий Церковь остаться не может, Патриарх предписывал подчиненному ему епископату неустанно призывать православных к повиновению угнетателям. И не только к повиновению: предписывалось неослабно возносить молитвы за султана и его визирей. Мало того: архипастырям предлагалось доносить в Патриархию о всех случаях проявления верноподданнейшей инертности.

Успехи русского оружия ободрили угнетенную часть населения, а разгром русскими турецкого флота в Синопской бухте вызвал в различных южно-балканских районах значительное количество народных восстаний. Они зачастую вспыхивали стихийно, проходили неорганизовано: не было не только организованного центра, но и нравственно-авторитетного ободряющего напутствия.

Анфим VI посылал одну увещательную грамоту за другой, то адресованных всем архипастырям, то отдельным из них, предупреждая о всевозможных карах за недостаточную энергию по предотвращению вспышек народного гнева.

Но даже его воззвания непосредственно к мирянам оказывались безрезультатными.

От слов Патриархия перешла к делу. За «сочувственное отношение» к повстанцам были лишены сана Митрополит Кирилл и архимандрит Григорий.

Террор турок усиливался, с восставшими они расправлялись зверски (известен случай, когда турки изрезали на куски ни в чем неповинного монаха-заложника). Восстание против турецких зверств охватило в первой половине 1854 г. Македонию, Эпир и Фессалию. Сюда стали приходить добровольцы из свободной Греции. Усилиями Англии и греческого королевского правительства, угрозами и провокациями удалось прекратить приток добровольцев и внести некоторый разлад в среду повстанцев.

Патриарх Анфим VI заблаговременно усмотрел признаки сочувствия народному движению и сопротивления даже среди иноков святой Афонской горы. Он предписал настоятелям греческих, болгарских, русских и др. афонских монастырей строжайше следить за настроением монахов и не подпускать к стенам обителей «подозрительных лиц». Но положение было таково, что даже смиренные и многотерпеливые афонские иноки, будучи не в состоянии найти защиту у архиереев (и тем менее у Патриарха), сами просили повстанцев преградить турецким грабителям путь на Святую гору. И повстанцы, неся тяжелые потери в неравных битвах с врагами, оттаивали Афон. Однако обитателей Святой горы в свете истории можно упрекнуть скорее в неблагодарности повстанцам, чем в мятежных замыслах: они категорически отказались допустить повстанцев на территорию горы и в особой грамоте известили султана о ненарушении ими подданических обязанностей.

После ухода повстанцев на территорию независимой Греции Анфим VI лишил сана проживавшего на Афоне на покое епископа Иерофея и архимандрита Кесария, изгнал нескольких монахов всех по обвинению в «сочувствии мятежникам», после чего он приступил к расследованию. Даже английский посол Рэдклифф понимал, что излишнее «усердие» и карательная экспансия по отношению к монахам будут действительно неразумны.

И он приказал не трогать иноков, уроженцев Ионийских островов. Судьба же остальных была печальной.

В августе 1854 г. Патриарх послал на Афон двух своих экзархов для расследования. Не знаем, по своей ли инициативе он это сделал — ни в литературе, ни в опубликованной части документов Патриаршего Архива нет прямых указаний на султанские требования расследования силами самой Церкви.

Можно предполагать, что имел место грубый устный нажим со стороны военно-полицейских властей.

Как бы то ни было, но еще до прибытия экзархов Афон получил увещательную грамоту с приглашением «по совести открыть экзархам, кто именно из афонских монахов... принимал участие в восстании и оказался изменником правительству» (И. И. Соколов, Соч., стр. 326). Один из монастырей (Кутлумушский), имевший, повидимому, основания не доверять объективности экзархов-следователей, не препятствовал некоторым монахам удалиться в район Дунайского бассейна. Особой грамотой Патриарх обязал монастырь сообщить ему имена «скрывшихся» иноков.

Еще более откровенно звучит посланная тогда же на Афон отлучительная грамота. В ней сообщалось черным по белому, что главная цель экзархов — выявить всех причастных к народному движению иноков, которые, «не страшась Бога», восстали против высшей власти. Далее категорически требовалось, чтобы «всякий, подвигающийся в монастырях Афона, какой бы степени иноческого звания ни был» (там же, стр. 326—327), выдал имена иноков, «явно или тайно» причастных к движению. Требовалось также (конечно, только в интересах гражданского сыска. — П. Ш.) перечислить имена лиц «скрывшихся или посланных (!) монастырями в Молдавию или Валахию». Каждый монах, укрывший имя известного ему сочувствующего народу, подлежал отлучению от Церкви.

Патриаршая грамота при этом намекала, что и тайна исповеди в данном случае могла нарушаться.

Считаю своим долгом напомнить читателю, что повстанческое движение 1853—1854 гг. среди македонских славян и греков Россией не возбуждалось. Победы русского оружия (до нападения англо-франко-турок на Севастополь) нравственно вдохновляли угнетенных людей. Но само движение (может быть, именно по причине его стихийности и неорганизованности) было не наступательным, а оборонительным. Православные славяне и греки южных Балкан выступали в тот год не против султанской власти, как таковой, а против чрезмерных притеснений, злоупотреблений и прямых разбоев органов и агентов государственной власти. Поэтому обвинение повстанцев в государственной измене даже с турецкой точки зрения представлялось натяжкой.

Патриаршие экзархи вынуждены были убедиться, что участниками движения, даже пассивными, были не иноки, а миряне-ремесленники и крестьяне, в том числе и несколько арендаторов земельных участков и торговых мест у монастырей. Патриарх по этому поводу распорядился допускать к аренде только лиц, испытанных в верноподданничестве. Возможно, что Патриарх имел в виду допускать к аренде только православных, но в его грамоте об этом не упоминается.

В сентябре 1854 г. Анфим VI разослал вновь составленную молитву за султана для постоянного возглашения после заамвонной молитвы. За ней последовало несколько увещательных грамот.

Следствие на Афоне было проведено так, что монахи в своей жалобе Патриарху громогласно, хотя и во всепокорнейшей форме, объявили наглой клеветой все материалы следствия.

Многие из лиц, переданных на султанский суд, были последним оправданы. Патриархия широко оповестила о султанской «милости», но своею

властью... запретила четырнадцати из оправданных жительство вблизи их прежнего монастыря.

Весной 1855 г. султанское правительство после долгих сомнений и (понятных) колебаний рискнуло попытаться распространить военный набор (мобилизацию) на православную часть своих балканских подданных, исключая районы недавнего народно-оборонительного движения. В церковной печати опубликованы патриаршие документы о мобилизации. Окружные майские и июньские послания и письма архиереям малоазиатских и балканских епархий написаны в стиле пламенных, художественных по форме воззваний. Было бы более чем несправедливо считать их архипастырским толкованием о гражданском долге подданных по отношению к государству. Анфим VI призывает православных к выражению благодарности султану за то, что ему «угодно было сделать участниками военной славы и подданные ему народы». Никаким «топором не вырубить» из известного всему миру окружного послания Анфима VI слов: «Султан Абдул-Меджид в последнее время благоволил явить особое доверие народу православному и назначил сбор людей, годных для пополнения царского войска, дабы и они были участниками успехов, равенства чинов и всякой чести, коими до сих пор пользовались одни мусульмане. Это приятное распоряжение будет исполнено».

«Едва ли искренно писал это Анфим VI», — заявляет проф. И. И. Соколов (стр. 333). Да, не хотелось бы думать, что это писано искренно! Понимаем, что Патриарху «поскользнувшемуся» в 1853 г., трудно было удержаться на нравственно-церковной высоте, раз он уже вольно или невольно дал повод султану рассчитывать на гораздо большее, чем политическая лояльность. Как говорят: «сказавши «а», нужно сказать и «б». Очередным «б» был призыв к содействию турецким союзникам — французским войскам, которые-де явились защищать Турцию «против коварных намерений России». Это было в дни, когда не Россия высадила войска в Малой Азии, а франко-англо-турецкие силы сидели в Крыму, штурмуя героически оборонявшийся Севастополь.

Не хотелось бы считать церковно-народным «кредо» Патриархии и новую молитву, написанную Анфимом VI (опубликована известным историком, епископом Порфирием Успенским в его монументальной «Истории Афона», часть III, отд. II, стр. 1080—1081) «О державнейшем, тишайшем, милостивейшем и народолюбивом царе и самодержце, султани Абдул-Меджид-хане, господине нашем». Помимо обычных пожеланий здравия, долголетия и проч., молитва содержала прошение не только о «мирном и безмятежном без всякого разделения и междусобной брани», но и о подании «необоримой и непоколебимой силы против восставших на державу его».

Если все вышеизложенное делалось им без особого натиска султана, то нужно признать, что турки и англо-французские дипломаты были по своему последовательны, потребовавши от Анфима VI не более, не менее, как... провозгласить Русскую Церковь схизматической.

Патриарх предпочел отречься от первосвятительской кафедры. К его преемнику Кириллу VII (1855—1860 гг.) такого требования не предъявлялось.

Упомянем, что высокодисциплинированное духовенство, получив новую молитву о султани, на этот раз оказалось непослушным. Епископ Порфирий Успенский утверждает, что в очень многих церквях молитва не читалась. Очевидно потому, что она бы вызвала больше, чем изумление у малящихся мирян.

Мы обязаны удостоверить, что Анфим VI отличался личным бескорыстием: бедняком жил на высокой кафедре, бедняком же и покинул ее.

Кирилл VII обычно аттестуется историками как человек мало энергичный, но очень образованный и не слишком мужественный, но Ки-

рил VII не делал архипастырского одобрения турецких зверств или передачи на расправу лиц, сочувствующих народно-освободительному движению. Он, собственно, ограничился призывами к верноподданничеству, увещеваниями «не обращать внимания на праздные речи людей нерассудительных» и т. п.

Правда, и он ошибся в оценке султанского указа (хатти-гумайуна) от 18 февраля 1856 г., «гарантировавшего» христианам безопасность жизни, охрану имущественных прав, равенство гражданских прав, улучшение материального положения духовенства. Местные архиереи быстрее уразумели фальш хатти-гумайуна. Положение православных отнюдь не улучшилось. Количество фактов религиозных стеснений, насильственного обращения в мусульманство, правовых ограничений по службе и образованию, подлинных избиений и ограблений христиан даже увеличилось.

Когда в силу упомянутого хатти-гумайуна около 20 тысяч жителей в районе Трапезунда открыто объявили себя христианами (до того они заявляли себя мусульманами ради сохранения своих жизней; их религиозные нужды тайно обслуживал епископ-подвижник Стефан), то исключительно благодаря энергичному вмешательству России новоявленные христиане спаслись от истребления и даже получили церковную иерархию.

С большей чуткостью, чем многие его предшественники, относился Кирилл к справедливым требованиям славянской, в частности болгарской части его пасты. Для балканских епархий при нем было хиротонисано во епископы несколько иноков болгарского происхождения. Патриарх принимал меры к поддержанию миролюбивых отношений между мирянами смешанных греко-болгарских приходов; он позволил равноправное употребление обоих языков в богослужебном чтении и пении, регулировал очередность пользования храмами и т. д.; энергично содействовал постройкам новых храмов со славянским богослужением в них.

Он же принимал меры к печатанию славянских богослужебных книг для Болгарии, Боснии, Македонии и славянских приходов Фракии и Малой Азии, привлекал оттуда учащихся в духовные школы для обучения их там на родных языках.

Но эти мероприятия казались болгарам уже недостаточными. Национально-освободительное движение начинало в Болгарии принимать организованные формы, пока, впрочем, далеко не массовые. Предшественники Кирилла так себя показали во время Крымской войны, да и до нее, что болгары имели основание не доверять и новому Патриарху. Уже в начале 1860 г. большая группа болгарского духовенства и влиятельных мирян подала турецкому правительству просьбу об изъятии Болгарской Церкви из ведения Константинопольского Патриарха, то-есть о восстановлении ее прежней автокефалии. Разрешение вопроса заняло целое десятилетие. Однако три архиерея болгарских епархий попытались явочным порядком осуществить независимость, прекративши даже поминовение Патриарха на богослужениях (статья проф. Курганова в журнале «Православный Собеседник», 1873 г., кн. 1). Собором 1861 г., уже после Кирилла, все трое были осуждены, лишены сана и изгнаны. Автокефалия была еще несвоевременной; она ослабляла силы для борьбы с католической и протестантской пропагандой, умело пытавшейся использовать церковно-национальное движение в своих интересах.

Нажив себе немало врагов из числа богатых и влиятельных константинопольских греков, Кирилл 1 марта 1860 г. отрекся от патриаршества. В течение трех последующих лет высокую кафедру возглавлял Иоаким II (Коккодис). Он был врагом не только болгарского церковного отделения, но и допущения болгар к церковному управлению наряду с греками. Ему удалось на время «утихомирить» сепаратистов; жаль только, что он

сделал это при помощи турецких властей. Но он одновременно потрудился и над словесными увещаниями о вреде церковного разделения. Частичная удача Иоакима II объясняется между прочим и тем, что нетерпеливая часть «автокефалистов» скандализировала себя согласием на унию с Римом. Уния оказалась непрочной и недолговечной.

Согласно Парижскому трактату 1856 г. Турция должна была предоставить некоторую автономию Валахии, Молдавии и Сербии, с собственными князьями, некоторым самоуправлением и декларированной вероисповедной и законодательной свободой. Другие славянские земли и этого не имели.

Конечно, как и надо было предполагать, автономия оставалась больше на бумаге. Во всяком случае положение православных не улучшилось.

Султан Абдул-Азис (1861—1876) не поспешил на новые широковещательные хатти-гумайуны. «Тень Аллаха на земле» объявляла своей главной заботой обеспечение равноправности всех подданных Турции, без различия национальностей и вероисповеданий. Однако, всякому внимательному читателю бросается в глаза, что никаких обязательств Абдул-Азис не принимал, как равно не давал никаких гарантий за выполнение обещаний.

Очень конкретный и точный в своих законодательных актах, где речь шла об администрировании, судах, налогах, преимуществах привилегированных сословий и социальных групп и т. п., султан становится неузнаваемым, когда заводит речь о христианах и в особенности — о славянах. Здесь он говорит только о «моем императорском желании» (а не о повелении). Он лишь молит Аллаха о том, чтобы ему «было даровано успешное достижение цели».

Некоторые исследователи (Миллинген, Соколов и др.) утверждают, что Абдул-Азис и его правая рука — принц Мустафа Фазиль-паша были «проникнуты искренним стремлением создать благоденствие и мусульманам и христианам». Непостижимо, на основании каких фактических материалов они делают такой вывод; таких материалов в природе не существует. Могу лишь, как историк, рассуждать об исторических деталях по их делам, по тому, как осуществлялись намерения на практике. А дела их, факты, в том числе и приводимые вышеуказанными непрошенными апологетами Абдула, вопиют более, чем убедительно.

Мустафа Фазиль-паша был спровоцирован «искренним» султаном. Последний загадочно молчаливо внимал либеральным высказываниям Мустафы (при всей их пустоватости все же содержащими некоторые умеренно-прогрессивные предложения).

Но когда «старо-турецкая» придворная группировка стала робко высказывать опасения — как бы поток деклараций не стал игрой с огнем, султан принес Мустафу Фазиль-пашу в жертву: тот должен был спастись бегством за границу.

В «автономной» Сербии бесчинства турецких войск и чиновничества усилились. Новая волна зверств получила общеевропейскую огласку. Русская дипломатия при вялой поддержке французской потребовала удаления из Сербии турецких гарнизонов. Абдул-Азис отказался. В Сербии стали подниматься стихийные антитурецкие восстания. «Искренний» султан «реформатор» в 1862 г. организовал артиллерийский разгром... беззащитного Белграда. Патриархия хранила гробовое молчание.

Болгары, боснийцы и герцеговинцы терпели невыразимые мучения. Движение народных масс по существу нельзя было назвать вооруженным восстанием. Это была защита «домашними средствами» против вопиющих проявлений бесчеловечного произвола.

Известно ли было об этом Патриархии? Да, в Архиве Патриархии хранится много документов, подтверждающих осведомленность ее.

Но она, Патриархия, была поглощена заботами спасения от денежных долгов, а в делах церковного окормления православных ограничивалась по преимуществу греческой частью паствы. Самого Иоакима II обвиняли в корыстолюбии, непомерном властолюбии, пренебрежении к советам ближайших своих соратников; во всем есть преувеличения. Одно бесспорно, что необоснованная доверчивость Патриарха к «реформаторской искренности» султана, не оставляла его до самой отставки (в 1863 г.).

Абдул-Азис усилил разбойничий нажим на славянское население своих балканских владений. Упомянутая бомбардировка Белграда вызвала новую волну народного движения. На поддержку братьев-сербов и босно-герцеговинцев двинулся маленький, но необыкновенно героический, свободолюбивый черногорский народ. Султан послал в горные ущелья и теснины Черногории крупную военно-карательную экспедицию. Лишь решительное вмешательство России, начавшей оправляться от горечи крымского поражения, спасло черногорцев от полного истребления. Конечно, невозможно было надеяться, что славянство не станет вновь начинать борьбу за свое освобождение.

Тем более, что от широкообещательных, хотя и неопределенных обещаний Абдула не осталось и следа. Церковь стала еще более бесправной, чем раньше. Отныне православные без особого позволения султана не имели права ни соорудить нового молитвенного дома, ни отремонтировать старого.

Патриархия продолжала надеяться на милосердие Абдул-Азиса. С таким же оптимизмом относился к султану и новый Патриарх Софроний III (1863—1866 гг.) — человек высоких личных нравственных качеств, большого церковно-административного опыта и незаурядной энергии. Православное население было вправе возлагать на него большие надежды.

Насколько оправдались надежды — увидим далее.

Строгий консерватор в церковных делах, он не вполне учел сложности политической и экономической обстановки, диктовавшей необходимость перестройки деятельности Патриархии в направлении более энергичного отстаивания прав паствы. В условиях Турции громадную ценность представляло изучение и использование опыта деятельности Западно-Русской Православной Церкви XVI—XVII веков. Как известно, отношение шляхетско-католической Польши к православию западно-украинских и белорусских земель было немногим лучше, чем турецких правителей. Иерархия Западно-Русской Церкви, даже при наличии среди нее выдающихся по энергии святителей, была не в состоянии противостоять сосредоточенному натиску католиков, иезуитов и колонизаторов. Тогда с благословения Константинопольской Патриархии и при ее прямом содействии к святому делу защиты православия и народности наряду со служителями алтаря были привлечены ревнители-миряне, организованные в братства.

Патриархия в те годы ради правильно понятых ею интересов защиты святой веры и социально-обездоленных слоев православного населения в нужных случаях даже ослабляла полноту своей юрисдикции. Примем во внимание, что в XVI—XVII веках правовое и материальное положение Константинопольской Патриархии было не лучшим, чем в 60—70-х гг. XIX в. Известно, что братства оказали неоценимую услугу православию в землях Галицких, Волынских, Киевских. Помимо этого братства объективно содействовали будущему освобождению паствы от национального угнетения Польшей.

К сожалению, ценнейший исторический опыт не был учтен ни Патриархом Софронием III, ни его окружением (местными епископами и торгово-константинопольской верхушечной группы греков), которая в

конечном счете направляла линию действий Патриархии. Все губила слепая вера в искренность мнимых намерений султана, о которых тот успел позабыть.

Действительно, самой крупной реформой Абдула было... введение новой формы обмундирования в турецкой армии. Затем он переключил свою энергию на усиленное расходование средств из государственной казны, в чем он действительно достиг поразительных «успехов»: совершенно ненужные постройки и бесконечные перестройки дворцов и сералей для самого султана и придворной ненасытной камариллы, устройство гаремов, по своей роскоши и количеству жен и наложниц затмивших все, что было в этом отношении достигнуто десятками прежних султанов вместе взятых, почти ежедневные пиры с несколькими тысячами участников, вызывавшие изумление дворов богатейших стран — все это быстро очистило государственный денежный карман. С неслыханным ранее напором заработал налоговый пресс, основной тяжестью обрушившийся на национальные (большей частью — православные) меньшинства и главное — на провинциальное население.

Патриархия, однако, не сочла возможным облегчить налоговую тяжесть населения, в части от нее зависевшей. При непосредственной помощи турецких чиновников и головорезов — башибузуков, и нередко их руками взыскивались с православных средства на текущее содержание Патриархии и погашение ее прежних долгов. Кредиторы (большей частью богатейшие константинопольские греки-купцы) ждать не желали и воплям единоверцев с балканских гор и долин не внимали.

Заслуживает внимания, что миллионер-судовладелец и голодный, оборванный, полунищий серб или болгарин-батрак были обложены совершенно одинаковой патриаршей данью. Не желая никого упрекать, мы только отметим факт: часть собранных с православных в сей управляемой и контролируемой Турцией территории патриарших налогов расходовалась на благотворительные и просветительные цели; но мы не могли в ворохе разновременных опубликованных документов Патриаршего Архива найти указания или намек на то, чтобы хоть один grosий был затрачен на эти цели для нужд миллионной православной балканской, не греческой по национальности части паствы.

Знаменитый Московский Митрополит Филарет, относившийся к Константинопольской Патриархии с любовью, граничащей с благоговением, писал в 1865 г.: «пособия Патриарху от духовенства и народа... некогда свободные (т. е. добровольные.—И. Ш.), потом требовательные, преувеличенные, принудительные, истощили усердие народа» («Собрание мнений и отзывов по делам Православной Церкви на Востоке», стр. 158).

В 1864—1865 гг. по Турции прокатилась страшная эпидемия холеры, частично проникшая и к западу от Босфора. Абдул-Азис не в порядке благотворительности (чуждой его натуре и характеру его политики), а в целях отвращения опасности проникновения эпидемии за стены дворцов и гаремов отпустил скромные суммы денег на санитарно-предупредительные и лечебные мероприятия. То обстоятельство, что ассигнования должны были идти на лечение заразных больных без различия их национальности (т. е. другими словами то, что султан не додумался до сумасшедшей дискриминации), дало повод Софронию III расценить санитарное ассигнование Абдула, как акт особой милости по отношению к православным и обратиться к султану с особым соборным, совместно с шестью митрополитами, благодарственным адресом.

Абдус-Азис, вероятно, сам удивленный таким истолкованием его мероприятия, любезно ответил, что «счастье всех без исключения его подданных является одной из первых моих забот». Один из константинопольских церковных историков с сожалением говорит, что «православные

люди не поверили лживым обещаниям султана». Удивления достойно, что в приведенных словах султана Патриархия увидела какие-то обнадеживающие обещания. В данном случае султан не лгал по той простой причине, что он ничего не обещал.

В «болгарском вопросе» Софроний III продолжал политику Иоакима II. Что болгары были особенно недовольны своим церковным бесправием, это вполне естественно. Но они пока не требовали автокефалии, ограничиваясь скромными притязаниями на равное с греками участие в церковных делах Патриархии. На это они имели право, так как количество болгар в несколько раз превышало число греков, окормляемых Патриархией; соответствовала этому и доля участия болгар в материальной помощи Церкви. Далее болгары предъявляли не менее умеренные и никакими канонами не осуждаемые требования поставления для них архиереев и священников-болгар или, по крайней мере, знающих болгарский язык. Патриархия категорически отклоняла болгарские претензии. Даже такой исследователь, как проф. Ф. А. Курганов (журн. «Православный Собеседник», 1873 г., № 2, стр. 46—70) дает понять, что таким своим отношением Патриархия пренебрегла справедливейшими требованиями народного болгарского права. Это было в 1864 году.

Через два года болгарские общественные деятели снова подали петицию на имя правительства «Блистательной Порты» с теми же требованиями и с добавлением об участии канонически правоспособных болгар в Синоде. Султанское правительство дальновидно передало петицию на усмотрение Патриархии. Софроний III созвал собрание нескольких десятков столичных священнослужителей и мирян-греков (т. е. собрание невысокого канонического авторитета), на котором было решено вновь отклонить болгарские предложения.

Очень скоро Софроний III, не поладив с членами своего Синода, отрекся от престола. Султан назначил ему более, чем щедрую пожизненную государственную пенсию в размере вполне достаточном, например, для полного содержания двух-трех школ. Обильная пенсия была Софронием III принята.

Новая страница в истории Константинопольской Патриархии открывается именем Григория VI (1867—1871 гг.) вторично, на 70-м году жизни возведенного на Константинопольский Патриарший престол, с которого он был свергнут султаном в 1840 г. по прямому указанию английского посла Стратфорда Рэдклиффа.

Тяжелый крест выпал на долю мудрого, честного и замечательно-объективного первосвященника. После таких предшественников, как Анфим VI, Кирилл VII, Иоаким II и Софроний III, казалось бы нечего было мечтать о возможности доверия к Патриархии балканско-славянских православных людей, среди которых нарастала новая волна освободительного движения. Эти предшественники Григория VI слишком приучили турецкое правительство видеть в Патриархии послушную исполнительницу султанских предначертаний и в некотором роде адвоката по обелению в глазах православного населения самых бесцеремонно-циничных фактов нравственного, правового и религиозного угнетения национальных меньшинств.

Может быть такие надежды питал и султан, встретив избрание Григория VI довольно тепло. Тем более, что на Балканах складывалась столь неблагоприятная для турок обстановка, которая заставляла считать содействие Православной Церкви видам турецкого правительства крайне важным.

Радостно приветствовала нового Патриарха и Русская Церковь в лице приснопамятного Митрополита Филарета. Много видевший и переживший, выходец из народных низов и близко стоявший к рядовой пастве, Патриарх возлагал самые радужные надежды на братскую Русскую

Церковь — наиболее мощный в мире оплот истинного православия. Он выявил себя сторонником тесной связи с Церковью великой северной страны. Совершенно правильно Григорий VI видел в этом единственное средство «восстановить давно померкнувшее обаяние Вселенского престола».

Одной из важнейших проблем для Константинопольской Патриархии была идейная борьба с новым решительным натиском католицизма в сторону Балкан и Босforo-Дарданельского бассейна. Для первосвященника было очевидно, что Ватикан осуществлял церковную разведку западно-европейской политической экспансии со стороны Австро-Венгрии, Германии, а также частично со стороны Англии и Франции. Искушенному и великолепно тренированному в громадном арсенале форм и методов пропаганды католицизму нужно было противопоставить солидные силы, количество которых в России было неизмеримо большим, чем в диоцезе Константинопольской Патриархии. Григорий и намеревался добиться содействия Русской Церкви в создании противовеса католической пропаганде. Сочувствие такому благородному подвигу в кругах русских иерархов, богословов и церковно-общественных деятелей было несомненным. Немалого труда стоило Патриарху убедить в правильности своей линии деятелей Константинопольского Синода. Переговоры с Русской Церковью о бескорыстном идейно-церковном содействии со стороны последней Патриарх вел письменно через Митрополита Филарета и устно через русского посла в Константинополе. К сожалению, русское императорское правительство очень боялось конфликта с Австро-Венгрией, Германией и Англией и фактически тормозило сближение на идейно-деловой почве братских Православных Церквей. Нечего и говорить, что тогдашние и вновь ожившие в 1946—1947 гг. измышления некоторых греческих церковных деятелей о попытках Русской Церкви в какой-то степени, якобы, подчинить себе Константинопольскую Церковь или вырвать из-под ее юрисдикции какую-то часть ее периферии были и есть сплошной ложью. Напротив, имеется бесчисленное множество убедительных доказательств большой, слишком большой щепетильности Русской Церкви по отношению к Константинопольской.

В описываемый же период русское министерство иностранных дел особенно ретиво, во избежание дипломатических неприятностей со стороны мнительных западно-европейских послов, сдерживало внешние проявления симпатий к угнетенным балканским братьям-славянам. Русская церковная помощь оказывалась больше в форме авторитетных дружеских советов.

Конечно, нам, русским, невозможно было оставаться равнодушными к церковным судьбам болгар. Было ясно, что осуществление болгарской церковной автокефалии было бы преждевременным. Во всяком случае пока болгары не имели самостоятельного независимого государственного устройства автокефалия выглядела бы неканонично. Но держать болгар в прежнем церковном бесправии было нельзя. Истинная христианская любовь вещала устами Московского Митрополита Филарета, советовавшего пойти навстречу законным пожеланиям болгар и договориться о создании автономного (полунезависимого) экзархата.

Но тут правительство Абдул-Азиса делает не совсем понятный на первый взгляд шаг.

Патриарх Григорий VI энергично хлопочет о созыве Вселенского собора для решения церковно-болгарской проблемы. Султанское правительство издает в феврале 1870 г. фирман о независимости Болгарской Церкви! Это было не либерализмом Абдул-Азиса и не административным легкомыслием султанского правительства. Фирман был результатом политических соображений.

На Балканах усиливалось и принимало, особенно в Болгарии, орга-

низованные формы народно-освободительное движение. Умеренная часть движения готова была удовлетвориться реформами, более радикальная стремилась к полному государственно-национальному раскрепощению от турецкого ярма и решительной перестройке форм общественного бытия.

Вторые обращали свой взор главным образом на братскую по крови Россию, рассчитывая на активную поддержку не столько церковной иерархии, сколько на действительную помощь со стороны общественно-передовой части русского народа. Первые — долго (и к великому сожалению — почти безрезультатно) упрашивали и умоляли Константинопольскую Патриархию стать духовно-нравственным кормчим в деле земного элементарно-человеческого устройства славянской части своей паствы и с этой целью — позволить болгарским представителям (наряду с греками) встать ближе к церковному управлению с правами совещательного-информационными.

Как мы уже знаем, Григорий VI пошел на умеренные уступки. Еще при Кирилле VII или при Иоакиме II и, пожалуй, даже при Софронии III они принесли бы желанные плоды. Но к началу 70-х годов... уже было поздно! И это правильно учло правительство Абдул-Азиса. Оно энергично поддержало бы Патриархию, если бы было уверено, что последняя могла попрежнему, как в 50—60-х гг., влиять на болгар нравственно-проповеднической поддержкой султанской политики. Но предшественники Григория VI и те, кто стоял в Фанаре за их спинами, слишком подорвали доверие широких славянских масс. Если бы даже теперь болгарам дано было церковное представительство, то в состав его вошли бы достаточно скомпрометированные в глазах народа константинопольские болгары из числа богатейших купцов-подрядчиков и поставщиков правительства Порты. (Ибо и из греков-мирян в состав патриарших учреждений входили почти исключительно представители этой группы).

Самые простые и нехитрые политические расчеты заставили султана дать болгарам церковную автокефалию с тем, чтобы попытаться если не превратить болгарских первоиерархов в адвокатов турецкого ярма (что вряд ли бы удалось), то по крайней мере расколоть и обезвредить народно-освободительное движение, изолировать его радикальную часть.

От султана ли было требовать соблюдения канонических норм? Они для него были необязательны! Зная Григория VI, можно было ожидать от него протестов, но в данном случае опубликование их могло сыграть только в руку султана для еще большего подрыва авторитета Константинопольской Патриархии в кругах балканских славян. И болгары и султам могли в свою пользу, хотя и несколько превратно, истолковать известные высказывания всемирно-авторитетного Московского Митрополита Филарета (убедительно разъяснившего, что Константинопольская Патриархия является Вселенской лишь в силу почетного титула, да и то не полностью) о том, что «если от Вселенской церкви отпадет город или область, она всегда останется целым, нетленным телом» (Митрополит Филарет. Цит. соч., стр. 48, 53).

Антиканоничным было не само по себе требование болгар о церковной автокефалии, а пути его осуществления в условиях того времени.

Ограниченность темы не позволяет нам коснуться взаимоотношений Григория VI с Румынской Церковью. Мы лишь отметим, что он протестовал против устройства Румынской Церкви, оформленного князем Карлом. Патриарх требовал возвращения Церкви ранее отобранных у нее недвижимых монастырских имуществ и предоставление Патриархии права утверждения избираемых на местах молдавских и валахийских митрополитов и возношение его, патриаршего, имени за богослужением. Все перечисленные требования было отклонены.

Вскоре Патриарх ушел в отставку. Константинопольская Патриархия оценила болгар как схизматиков. При этом считаем нравственным дол-

гом удостоверить, что Григорий VI был чужд прислужничества перед султаном и достоинство Патриархии при нем начало было подниматься. В этом отношении он сделал почти все, что было в его человеческих силах. Правда, церковная история располагает таким документом, как его патриаршее увещательное послание к православному населению острова Крита, которое подняло вооруженное восстание против турецкого гнета. Силы были неравными: сорока тысячам отборных турецких войск противостояло не более 2½—3 тысяч плохо вооруженных повстанцев. Восстание, в числе руководящих участников которого был игумен Гавриил, было подавлено. Но послание Патриарха Григория совершенно чуждо какому бы то ни было оправданию турецкого ига, и оно не грозило участникам народно-повстанческого движения.

На Патриарший престол в третий раз возводится ветхий денни Анфим VI (Иоаннидис). Как и следовало ожидать, он в центре внимания поставил денежный вопрос. Несмотря на проявление им непостижимой для его возраста энергии, хронический дефицит патриаршей казны так и не был ликвидирован, тем паче, что выбыл из расчета такой крупный плательщик, как миллионная паства Болгарии. Анфим догадался в конце-концов стать на единственно правильный путь: сокращение расходов Патриархии. Но главное не в этом.

Острейшей церковно-организационной проблемой оставался болгарский вопрос, осложнившийся оживлением движения среди малоазиатских и македонских славян. Патриарх попытался достичь умиротворения на основе взаимных канонически оправданных уступок. Были проведены улучшения в деле более активного участия мирян в церковных делах: при благожелательном отношении Патриарха было открыто несколько просветительно-духовных братств и обществ в славянских и смешанных приходах и проч.

И все же призывы Патриарха Анфима VI повисли в воздухе. С одной стороны, потому, что именно он меньше всего мог рассчитывать на доверие балканских славян: невозможно было изгладить из их памяти уроков его предыдущего первосвятительства. С другой — потому, что среди константинопольских греков усиливалась вражда к иноплеменным своим единоверцам, доходя до степени нетерпимости. Привыкшие к безраздельному фактическому влиянию на дела Патриархии (хотя и без всякой ревности в материальной поддержке Церкви — любители благотворения на чужой счет) константинопольские богачи-греки встречали, что называется, «в штыхы» самые умеренные призывы Патриарха к разрешению спорных вопросов в духе истинной христианской любви.

16 сентября 1872 г. Константинопольский собор квалифицировал болгарскую автокефалию, как схизму.

Сербская автономная митрополия сохраняла с «Великой Церковью» в общем более мирные отношения.

В сентябре 1873 г. Анфим VI был вынужден уйти в отставку.

На патриарший престол вторично возводится Иоаким II (1873—1878). Над Балканами явно нарастали признаки новой грозы.

Если отныне болгары вышли из-под духовного окормления Патриархии (хотя не полностью и не во всех отношениях), то этого нельзя было сказать о сербах, боснийцах, герцеговинцах и черногорцах.

Известно, что в середине 1875 г. началось народное восстание христиан Боснии и Герцеговины. На первых порах оно носило не национально-освободительный, а оборонительный характер, будучи направлено против зверств и притеснений христиан турецкими администраторами и башибузуками.

Перед всем миром раскрылась практика осуществления «реформ» Абдул-Азиса. Крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы, служители алтаря Божия, скромные инок — все были жертвами совершенно необуз-

данного произвола. Журнал «Церковный Вестник» в 1876 г. (№№ 2, 31, 32 и 48) опубликовал некоторые из коллективных обращений и массовых петиций босно-герцеговинцев. В них приведены потрясающие факты: «мы сеем, а турки жнут, — писали несчастные христиане, — а турки съедают плоды наших рук и, уничтожая наше добро, лишь изредка бросают нам кости, чтобы мы не умерли от изнурения и этим не лишили их наших рабочих рук... Турки глумятся над нами, позорят наши семейства, насилюют наших жен и дочерей, заставляют нас есть мясо своих детей, калечат нас и сажают на кол... У нас, крестьян, отбирают последнее имущество... Мы, священники и монахи, не можем служить в наших храмах, так как турки нас и там убивают... За жалобы на это нас сажают в тюрьмы...», и все в таком роде.

Сербский народ и нестигаемо-свободолюбивые черногорцы послали своих лучших сыновей в помощь своим справедливо восставшим братьям по вере.

Восстание перебралось в Болгарию, где оно приняло более целеустремленные формы. Братья-болгары зывали к чувствам русского народа. Трудно было бы поверить фактам, приводимым в болгарском воззвании, если бы они не были полностью и официально удостоверены консулами западно-европейских стран в Турции! «Мучения, претерпеваемые христианами на Балканском полуострове так велики, что нет возможности их описать», — писали болгары. Еще бы! Кровавый смерч Чингис-хановых походов бледнеет перед такими фактами, как: массовое сожжение цветущих сел и городов, запущение полей, уничтожение всемирно-известных болгарских садов и т. п. «Нет детей выше восьмилетнего возраста, не обесчещенных перед глазами связанного и мучимого отца, брата... Нет человека, который бы не думал: вот завтра и меня изрубят, повесят, распилят пилою надвое или же посадят на кол... Нас сажают на кол и поджигают костер под ним, извлекают из утробы матерей младенцев, подбрасывают их и налету ударом сабли рубят надвое, или же ловят на штыки, продают молодых девушек и мальчиков в рабство и заставляют принимать магометанство». Все зверства применялись как способы побуждения к уплате непомерных налогов и поборов.

Вмешались все крупнейшие европейские державы. Россия и Австро-Венгрия первыми (хотя каждая — и по различным побуждениям) потребовали немедленного прекращения безобразий.

Присмиревший под влиянием решительного дипломатического нажима Абдул-Азис в ноябре 1873 г. громогласно обещал исправить положение. Правда, особенно радикального он и на этот раз не обещал, а галантно признав, что его «прежние реформы (!) нуждаются в изменениях и дополнениях», султан говорил о желании провести выборность судей, привести налоговую систему к некоторому соответствию с платежеспособностью населения, обеспечить минимальные возможности для поддержки земледелия, ремесл и торговли, представить фактическую вероисповедную свободу и т. п.

Султанская декларация произвела на Иоакима II более, чем благоприятное впечатление: расценив ее «как начало новой, благодатной для христиан, законодательной эры», он мобилизовал все свои средства и возможности на размножение и широчайшее распространение в Малой Азии и на Балканах «ираде» султана и своих комментариев к нему.

Поднявшиеся против турецкого ига балканские христиане не разделяли энтузиазма Константинопольской Патриархии. Да и оснований для энтузиазма не было. Среди турок вспыхнула полоса погромов и резни христиан. Иоаким II продолжал рассылку названных документов уже под аккомпанемент новой резни.

1 мая 1876 г. появился в свет известный Берлинский меморандум-нота министров иностранных дел России (Горчаков), Австро-Венгрии (Андраши) и Германии (Бисмарк), которая требовала от Турции гарантии проведения обещанных ею реформ под наблюдением полномочных представителей великих европейских держав.

Через 18 дней в результате кровавого дворцового переворота султанский трон занял психически больной Мурад V. Он подтвердил решение о реформах и... обратился к народу с просьбой помочь изыскать новые средства для материального обеспечения реформ. Вероятно, неожиданно для султана (во всяком случае — без его прямого предложения) Иоаким II издает пламенное послание и увещевание ко всему духовенству и мирянам с призывом к сбору добровольных пожертвований для султанской казны! Не знаем, какие суммы были собраны, но зато знаем, какое они получили употребление: они пошли на подавление с неслыханной жестокостью народного восстания в Болгарии (о чем убедительно свидетельствует книга англичанина Макгаана «Зверства в Болгарии». Письма специального корреспондента «Дейли Ньюс», С. П. Б., изд. 1877 г.).

Число жертв турецкой карательной экспедиции исчисляется многими десятками тысяч человек.

Братский русский народ первым пришел на помощь угнетенным славянам. В Болгарию, Сербию и Черногорию пошли dobroхотные пожертвования, несколько тысяч добровольцев, собранных и возглавленных волонтером-генералом Черняевым влились в отряды повстанцев. Сербы сражались героически, но под натиском многократно превосходящих турецких сил вынуждены были нередко отступать. А скромные в жизни, твердые в вере, совершенно чуждые страха в бою, гордые орлы — черногорцы из своих горных теснин умудрялись даже наносить туркам позорные для них поражения.

В августе того же года совсем ополоумевший Мурад V был низложен, и на престол вступил его не столько умный, сколько хитрый и коварный брат Абдул-Гамид.

Собравшиеся в декабре уже в самом Константинополе уполномоченные европейских держав категорически потребовали осуществления требований Берлинского меморандума. Султан, учитывая противоречия между великими державами, еще раз сманеврировал.

Он объявил о введении в Турции представительного, парламентарного строя с конституцией, обеспечивающего полное вероисповедное равенство и равенство всех подданных перед законом. 23 декабря 1876 г. была провозглашена новая конституция, основные положения которой были заимствованы из английской и французской конституций.

В эти же дни Иоаким отправил нерархам послание с предложением о молитвах «за гуманного падишаха» и внушения пастве о полном повиновении правительству. Константинопольские архиереи и «почетные миряне» поднесли султану благодарственный адрес за дарование конституции, которую... тот и не помышлял вводить в действие.

Это сразу стало понятным для всей Европы и через несколько недель все европейские державы прервали дипломатические отношения с Турцией, отозвав из Константинополя своих послов и посланников.

В политической атмосфере запахло порохом.

12 апреля 1877 г. Россия объявила войну Турции. Нет необходимости в церковно-исторической статье выяснять совокупность причин русско-турецкой войны и среди них устанавливать удельный вес мотивов национально-религиозных. Ограничимся рамками нашей темы.

Каноны Святой Церкви, заветы святых Отцов Церкви и практика выдающихся святителей учат нас, что церковные предстоятели в лихие годы должны быть особенно близки к массам своих пасомых.

В данном случае при оценке линии действий Иоакима II читатель безусловно не должен забывать об известных условиях турецкой деспотии. Ограничиваемся перечнем фактов, показывающих отношение Патриархии к развертывающимся историческим событиям.

1) Накануне объявления войны Иоаким обращается к столичной пастве с призывом к повиновению и верноподданности властям;

2) на четырнадцатый день войны следует его призыв ко всем православным людям всего Патриархата о забвении прежней вражды, о мире и повиновении;

3) 22 мая новое послание о том же, но в еще более благоговейных по отношению к султану тонах и с приложением новой специальной молитвы за него с концовкой «даруй ему здравие совершенное и долготу дней, утверди его царство, укрепи его войско, посылая победы на врагов» и т. д. А один из митрополитов (не знаем — самостоятельно ли или же с благословения Иоакима) добавил для своих епархий следующие возгласения: «даруй султану нашему и его могущественным и многочисленным войскам силу и крепость сокрушить надвигающегося врага и изгнать его из страны своей, дабы народы всякого племени и веры, находящиеся под державным его покровительством, проводили житие тихое и мирное». Не будем говорить, какой отклик эти послания встретили на Балканах. Султан оценил преданность Иоакима II награждением его высшим турецким орденом.

На приеме Абдул-Гамид не стесняясь цинично заявил, что он-де озачлен благодарением своих поданных, но... «трудные обстоятельства отвлекают его от этого», т. е. иначе говоря, что он ничего не намерен сделать для обездоленных. «Тем не менее — как пишет проф. И. И. Соколов («Константинопольская Церковь в XIX в.», стр. 366) — в Патриархии и по этому случаю был совершен молебен»...

4) В июне 1877 г. Патриархия разослала по своей периферии воззвание об усердном сборе среди христиан дополнительных пожертвований на военные нужды. Это было сделано по предложению правительства.

5) В ноябре 1877 г. султан явил новую «милость»: если до того христиане освобождались от призыва в войска, уплачивая вместо этого солиднейший военный налог, то теперь Абдул-Гамид, сохраняя налог, призывал христиан в ополчение (местное войско) с задачами: а) участия в обороне территории своих областей, б) подавления восстания в любой части империи. Патриарх с помощью всего состава синода и подсобных при нем учреждений разработал особую грамоту, в которой доказывалось, что высшая церковная власть радостно благословляет своих чад на борьбу с внешними и внутренними врагами султаната.

При этом Патриарх в виде милости испрашивал у султана разрешения на формирование из христиан отдельных отрядов. Абдул-Гамид молчаливо отказал, что с военно-политической точки зрения вполне понятно.

6) Зимой 1877—1878 гг. русские войска под командованием генералов Скобелева, Драгомирова и др. глубоко врезались в пределы Турции; у турок горела почва под ногами. В Македонии, Эпире, на о. Крите начались народно-освободительные восстания местного христианского населения.

7) Свои неудачи на фронтах войны турецкие правители и башибузуки вымещали на христианах. При набегах на восставшие или заподозренные в сочувствии повстанцам села и города турки сжигали населенные пункты, жителей истребляли, уцелевших девушек и детей уводили в плен, в рабство.

Церковные вещи, св. иконы, сосуды и утварь целыми обозами шли на рынки Константинополя и других крупных городов, где все это открыто продавалось.

К чести Иоакима II нужно отметить, что он против описанных фактов неоднократно протестовал перед правительством. Но в ответ большею частью получал лишь беспредметные обещания «принять необходимые меры». В отдельных случаях полиция изымала с рынка продаваемых в рабство девиц и передавала в распоряжение Патриарха.

Правительство вежливо предлагало местной администрации возвращать ограбленные церковные вещи и святыни Патриархии и церквям. Но это редко исполнялось.

Кроме того, Патриарх проводил сбор пожертвований для помощи жертвам турецких зверств; много осиротевших женщин и детей нашли приют в монастырях.

В начале 1878 г. победоносные русские войска овладели почти всей Балканской территорией Турецкой империи и приблизились к самому Константинополю с запада. Турки робко запросили мира. Нельзя было сомневаться в том, что русские войска стремительным ударом могли бы овладеть столицей «Блистательной Порты» и добиться безоговорочной капитуляции турок. Порта была спасена дипломатическим вмешательством западно-европейских держав во главе с Англией, не желавших чрезмерного усиления России.

Русская дипломатия дала себя запугать пустыми угрозами Англии в лице лидера ее дипломатии лорда Дизраэли-Биконсфильда.

По указанию русского правительства военные действия были приостановлены в момент нахождения передовых войск на расстоянии пушечного выстрела от Константинополя. 19 февраля 1878 г. в пригородном селе Сан-Стефано было подписано предварительное русско-турецкое соглашение, а через 4½ месяца — на конференции европейских стран, которые единодушно постарались елико возможно обещать завоевания русского оружия, был подписан так называемый Берлинский трактат.

Несмотря на англо-французские интриги победа принесла громадное облегчение участи народов Балканского полуострова. Как известно, Турция после 1878 г. фактически перестала быть европейской державой.

Правда, Боснии и Герцеговине не удалось добиться государственной самостоятельности, они были переданы под власть Австро-Венгрии (управляемой «немецкой династией»). Но на первое время это все же было наименьшим злом, чем пребывание ее под турецким игом.

Сербия, Румыния и Черногория стали совершенно независимыми от Турции. Если Черногория в известной степени обязана этому своим силам, то Сербия и Румыния своим освобождением всецело обязана громадной помощи великого братского единоверного русского народа. Едва ли мы, несмотря на самое наше горячее желание, в состоянии отыскать хотя бы единственный серьезный факт, свидетельствующий о нравственной поддержке Константинопольской Патриархией освободительного движения сербов и румын. Нет таких фактов, к сожалению — нет! Не дошло до нас никаких отголосков молитв патриарших из Фанара о даровании своим сербским и румынским пасомым избавления от великого горя их в те годы, когда пасомые, истекая кровью, побелевшими устами шептали: «слышишь ли ты нас, Великая Церковь великого Царьграда?»

А духовенство Сербии и Румынии в основной массе шло за своими народами. Война 1877—1878 гг. принесла государственное освобождение и многострадальному болгарскому народу, хотя и не всему и не полностью: основная Болгария (к северу от Балканского хребта) была объявлена автономным княжеством с данническими обязательствами султану. Южная ее часть — Восточная Румелия — осталась в составе Турции, но под управлением генерал-губернатора из христиан и с местной ограниченной административной автономией. Несмотря на

то, что немцам удалось провести на Болгарский княжеский престол отпрыска своей династии Гогенцоллернов (от каковой болгарский народ освободился лишь в наши годы), все же Болгария получила минимальные условия для устройства самостоятельной жизни.

Как известно, и Болгария справедливо считает русский народ своим освободителем. И не от русского народа зависела урезанная Берлинским трактатом степень болгарской самостоятельности.

Отныне жизнь по-новому ставила вопрос болгарской церковной автокефалии, официально разрешенный лишь после Великой Отечественной войны с германским фашизмом. Исторически при изменившихся обстоятельствах автокефалия себя оправдала.

Русская Православная Церковь никогда не предъявляла никаких церковно-административных претензий к Болгарской Церкви. Пустой болтовней являются высказывания некоторых современных греческих церковных деятелей о «цезарепапистских» тенденциях Русской Церкви. Впрочем эта болтовня уже получила на страницах нашего журнала достойную отповедь проф. С. В. Троицкого.

И после войны 1877—1878 гг. часть православных славян еще осталась на долгие десятилетия под турецким ярмом.

Всеми миру известно, что если сократились кровавые зверства турок, то национальные меньшинства все же не получили ни правового, ни вероисповедного равенства.

Но рассмотрение деятельности Константинопольской Патриархии в последующие годы выходит за пределы этой статьи.

Профессор И. Н. Шабатин (Никита Волнянский)

ПОЧИТАНИЕ СВЯТЫХ

Почитание святых является догматом Православной Церкви. Догмат этот наша Церковь всегда свято чтит и бережно хранила, защищая его в довольно упорной борьбе с протестантством и его многочисленными разветвлениями в виде так называемых рационалистических сект, отрицающих почитание святых. Святые являются нашими заступниками, ходатаями и молитвенниками пред Богом. Утверждая так, мы отличаем их от нашего «Единого Ходатая (Посредника) Христа Иисуса», о Котором говорит св. апостол Павел: «Един есть Бог, и Един Ходатай (Посредник) Бога и человеков, человек Христос Иисус, давший Себе избавление за всех» (1 Тим. 2, 5—6).

Славянское слово «ходатай», или русское «посредник» у апостола значит живой свидетель, стоящий посреди и соединяющий посредствуемых, совокупивший в себе разъединенное (Бл. Феодорит). Апостол словами: «Един Бог и Един Ходатай» имел в виду показать, что другого спасения нет, как в Господе Иисусе: как Бо один, так и Посредник между Богом и людьми один. Другого посредника нет и быть не может. Иисус Христос стал Посредником чрез вочеловечение. И Блаженный Феодорит говорит: «Апостол назвал Христа Иисуса Посредником, следовательно, состоящим в единении и с Отцом по Божеству и с нами по человечеству». «Посредничество состояло не в слове только ходатайственном, но и в деле, и требовало жертвы», — объясняет святитель Феофан Затворник, — как и говорит Апостол Павел: «Давый Себе избавление». Посему и в церковных песнопениях воспевается: «Ходатай Богу и человеком был еси, Христе Боже: Тобою бо, Владыко, и к Светоначальнику Отцу Твоему от нощи неведения (из мрака неведения) приведение и мамы (мы получили доступ к источнику Света — Твоему Отцу)» (5-я песнь Канона 2-го гласа).

Итак, по природе, по искуплению у нас один Ходатай или Посредник между Богом и человеками — Иисус Христос. По благодати же ходатаями или молитвенниками нашими пред Богом являются кроме Матери Божией и ангелов все святые, которых мы прославляем, и со своими молитвами к которым обращаемся. Мы находимся в теснейшем общении с торжествующею, небесною Церковью (ср. Евр. 12, 22—24), или, как говорит Премудрый Сирах: «Церковь будет возвещать хвалу праведников» (Сирах, 44, 14). И мы прославляем праведников, конечно, не божеским прославлением и поклонением им, а особым почитанием, свидетельствующим о нашей любви и преданности к ним. Мы прославляем праведников и почитаем их за богоугодную жизнь и чудотворения. Из слова Божия видно, что верующие во Христа, движимые взаимною любовью молятся друг за друга. Апостол Иаков прямо заповедует нам: «Молитесь друг за друга» (Иаков, 5, 16). Святые не нуждаются в наших молитвах за них: они без нас достигли совершенства (Евр. 11, 40). Но мы испрашиваем у святых ходатайства их за нас пред Богом, или мо-

...молитв за нас грешных и недостойных. Сам Бог говорит чрез пророка Исаию: «Праотец твой согрешил и ходатаи твои отступили от Меня» (Исаии 43, 27). И у пророка Иеремии находим свидетельство о ходатайстве святых (Иерем. 7, 16). В Священном Писании находим прямое повеление Божие просить молитв за нас угодников Божиих. В книге Иова читаем: «Возьмите (т. е. друзья Иова) себе семь тельцов и семь овнов и пойдите к рабу Моему Иову..., и раб Мой Иов помолится за вас, ибо только лице его Я приму» (Иов. 42, 8). Святые, озаренные Святым Духом, могут слышать наши молитвы к ним и видеть такие события на земле, которые нам, слабым людям, кажутся тайными (см. 3 Цар. 14, 4—6).

Отцы Седьмого Вселенского Собора, рассуждая о почитании и призывании святых, постановили: «Если кто не исповедует, что все святые досточестны пред Богом по душе и по телу, или не просят молитв святых, как имеющих позволение предстательствовать за мир, по церковному преданию: а н а ф е м а».

Почитание святых выражается в молитвенном призывании их на помощь, как наших ходатаев и заступников пред Богом. Оно также выражается в благоговейном почитании святых икон и останков святых или их нетленных мощей, что является нашим дорогим сокровищем и благодатным источником нашей духовной жизни.

Истина почитания мощей утверждена Седьмым Вселенским Собором. Мощи святых этот Собор назвал источником исцелений, и определил: «Дерзнувшие отвергать мощи мучеников, о которых знали, что они подлинные и истинные: если кто епископы или клирики, да низложатся, а если иноки или миряне да лишатся причащения (Деян. Соб. 3 и 7). Собор также определил, чтобы святые мощи были полагаемы в церквах при освящении их (под престолом и в антиминсах — ныне), за неисполнение чего угрожает извержением из сана епископского».

На протяжении всего существования Церкви воссиявали в ней святые, «яко звезды пресветлые», из которых мученики, как «багряницею и виссом кровью украсили Церковь».

Почитание святых имеет важное значение. И недаром Церковь на Седьмом Вселенском Соборе догматизировала почитание святых. О чем это говорит?

Святые, время от времени воссиявающие в Церкви, свидетельствуют о действительности непрерывного молитвенного общения между Церковью небесной и земною и о несомненности и действенности благодатных даров Св. Духа в Церкви. Через Святого Духа, в виде огненных языков в день Св. Пятидесятницы сошедшего на апостолов, преизобильно излилась благодать. Ее, так сказать, осязали все присутствующие, когда апостолы стали говорить на разных языках. Ее несомненность свидетельствуется и многочисленным и многоименным сонмом святых, воссиявших в Церкви и продолжающих воссиявать. Этот сонм — явное свидетельство благодатности Церкви Христовой. И недаром Святая Церковь в первую неделю по Пятидесятнице посвящает памяти всех святых, а Русская Православная Церковь во вторую неделю — памяти святых, в земле Российской просиявших.

Святыми почитаются люди, особенно угодившие Богу. Как же устанавливается святость того или иного подвижника? В Церкви издавна создался особый прием установились определенные правила для причисления к лику святых. Прием этот известен под именем канонизации (слово канонизация — греко-латинское и означает буквально: включение в список). Он существует в Церкви издавна, а наша Русская Православная Церковь заимствовала его у Греческой Церкви.

Канонизация, т. е. причисление к лику святых, производится на основании установленных Церковью правил.

Главным основанием для причтения усопших подвижников к лику святых, или канонизация, служил в нашей Церкви дар чудотворений.

В числе чудес, которыми прославляет Господь святых, одно из самых поразительных — нетление св. останков или мощей. В нетлении святых мощей Господь являет нам один из признаков возвращения человеческого тела, силою Божественной благодати, из тления в нетление. Божественная благодать пронизывает собою самое тело подвижника Христова и уготовляет в нем Себе благоуханный сосуд для источения чудес верующим и просящим чрез св. угодника милости Божией. Сила благоухания так велика, что действие ее простирается иногда на одежды, в которые облачено было нетленное тело угодника Божия, и на другие останки от него.

Однако не все святые прославляются нетлением св. останков, или мощей. От многих святых мощей не сохранилось: тела их подверглись тлению, подобно телам обыкновенных людей, как виделось истление тела величайшего из ветхозаветных святых царя и пророка Давида (Деян. 13, 36). По неисповедимым судьбам Божиим, телесные останки одних святых прославляются нетлением, другие же нет.

Тела умерших людей могут долгое время не предаваться тлению, вследствие каких-либо благоприятствующих сему климатических и других местных условий, и это не относится к действиям благодати и не означает какого-либо нравственного достоинства того умершего человека, тело которого не истлевает. Сила благодати Божией познается тогда, когда оставшиеся нетленные части тела или одни только кости его не только пребывают в целости, но источают исцеления. Вот как смотрит на это Митрополит Московский Филарет.

«Что значит это видимое неравенство видимой награды, даруемой святым? ...Оно некоторым образом соответствует степеням внутреннего их освещения, по которому, — как говорит Апостол Павел, — «звезда от звезды разнствует во славе, такожде и воскресение мертвых» (1 Кор. 15, 41—42), и последнее [т.е. воскресение мертвых] совершительное, и первое [т.е. нетление мощей] начинательное». Но большую вероятность святитель Филарет усвоит другому соображению, именно: нетление мощей совершается не ради самих святых, которые не ищут славы человеческой, а для нас живущих, «для удостоверения в воскресении Христовом и в нашем будущем воскресении, для укрепления немощных в подвигах противу греха и смерти, для возбуждения невнимательных и нерадивых в подвигах благочестия»¹.

Во всяком случае нетленные останки святых угодников имеют значение в Церкви, не только как удостоверения святости почившего подвижника, но главным образом как посредства для изливания свыше милостей Божиих, и в этом отношении поклонение и почитание их подобно почитанию и поклонению святому кресту и иконам. Но одно нетление не является признаком причисления усопшего к лику святых.

Тела некоторых усопших, скончавшихся в вере и благочестии, как например Митрополита Тобольского Павла Конюсевича, умершего на покое в Киево-Печерской Лавре в 1770 г., сохраняются открыто в нетлении, однако же по этому только признаку они не причислены к лику святых.

Обычай открывать мощи, т.е. переносить их из могил в церкви, начался очень рано, сначала в Греции в IV—V вв., а затем и у нас на Руси. Этот обычай никогда не был обязательным. Обычно мощи святых открыто почивают в гробе или раке в лежащем положении. Есть единственный пример почивания мощей не в гробе, но в креслах. Это — мощи

¹ Филарет, Митрополит Московский, «Слово о нетлении святых мощей на память Преподобного Сергия» — «Слова и речи», М. 1874, т. II, стр. 21—22.

Патриарха Афанасия Константинопольского, скончавшегося 5 апреля 1654 г. в Лубенском монастыре Полтавской губ., на возвратном пути из Москвы домой в Константинополь, и известного у нас под именем «Афанасия сидящего». Рака имеет вид не гроба, а киота, шкафа. Св. Афанасий, как Патриарх, по обыкновению восточных церквей, был погребен сидящим, в таком виде и обретенны его мощи, в таком же виде они и почитаются.

«Мощи святых, — говорит проф. Голубинский, — когда они нетленны, составляют чудо, но лишь дополнительно к тем чудесам, которые творятся чрез посредство их. Доказательство святости святых составляют чудеса, которые творятся при их гробах, или от их мощей, а мощи, целые тела или только кости, суть дарованные нам, для подкрепления в нас живейшего памятования о небесных молитвенниках за нас; священные и святые останки некоторых святых, которых мы должны чтить, как таковые, и суть те земные посредства (по выражению пространного катихизиса Митрополита Филарета), через которые Господь наиболее проявляет свою чудодейственную силу (проф. Голубинский, «История канонизации святых», стр. 302). В прославляемых нетлением телах святых угодников это нетление обнаруживается не в одном и том же объеме бывшей их телесной хранины.

На основании многих рукописных и филологических данных, проф. Голубинский доказывает, что слово «мощи» употреблялось для означения не целого тела, а частей его, преимущественно костей, как, например, сказано: «лежат мощи — кости целы», и что слово «моща» означает не что-либо целое, а лишь часть какого-либо священного и несвященного предмета, так разобрать какой-либо предмет на мощи в старину значило разобрать его на части (ibidem, стр. 297—298).

У греков вовсе не проповедуется учение, что мощи означают целое тело, и мощи как большей части святых в Греции и на Востоке (равно, как и на Западе), суть кости.

Церковь никогда не скрывала, когда и что обретала в святых мощах. Например, в летописи о мощах св. равноапостольной кн. Ольги сказано: «Кости Ольги в царство равноапостольного Владимира и Митрополита Леонтия обретошася целы» (Голубинский, стр. 57, примечание 2).

В 1667 г. в донесении Митрополиту Новгородскому Питириму об открытии мощей св. Нила Столбенского читаем: «Гроб и тело его святое земли предадеса, а мощи (т.-е. кости) святые его целы все».

Церковь никогда не учила, что «мощи» святых всегда и непременно целые тела, а учила, что они могут быть и одними костями. Митрополит Даниил в одном своем слове о мощах говорил: «воистину чудо преславно, яко кости наги и источают исцеления» (Голубинский, стр. 299—300 и примечание).

Митрополит Московский Филарет, в слове на день Преп. Сергия Радонежского (25 сентября) говорит: «в подлежащих нам священных останках праведника мы усматриваем собственными очами образ, как и во гробах тучнеют и процветают кости праведных». Особенно прямо и решительно Церковь заявляла о мощах, не только как о целых телах, но как и о костях при освидетельствовании святых мощей пред их открытием, например, при открытии св. мощей Преп. Серафима Саровского. В акте освидетельствования его честных останков 11 января 1903 г. сообщалось: «По снятии крышки гроба Преп. Серафима присутствующие (производившие освидетельствование) увидели: ясно обозначенный остов почившего, прикрытый остатками истлевшей монашеской одежды. Тело приснопамятного старца о. Серафима предалось тлению. Кости же его, будучи совершенно сохранившимися, оказались вполне правильно размещенными, но легко друг от друга отделяемыми. Волосы главы и браны седовато-рыжевато-го цвета сохранились, хотя

и отделились от своих мест» («Церковные ведомости» 1903, № 26). Тогдашний Петроградский Митрополит Антоний (Вадковский) выступил со статьей «Необходимое разъяснение» («Новое время» 1903 г. от 21 июня и «Церковные ведомости» 1903, № 26), в которой между прочим писал: «Есть для многих мучительный вопрос: что в гробу? Дадим прямой ответ на вопрос: что же в гробу? В гробу обретен ясно обозначившийся под остатками истлевшей монашеской одежды остов почившего старца. Тело предалось тлению. Кости же и волосы головы и бороды совершенно сохранились. Таково содержимое гроба... И святость старца Серафима,—писал Митрополит Антоний,—определялась не свойством его останков, а верою народа и многочисленными чудесами. После удостоверения в святости и молитвенном дерзновении о. Серафима пред Богом постановлено, чтобы и всечестные его останки были предметом благоговейного чествования от всех притекающих к его молитвенному представлению (Деяния Св. Синода 9 января 1903 г.) ...останки тела о. Серафима, т.-е. кости его, для верующего суть драгоценная святыня, истинное сокровище, чрез посредство которого подается почитающим его цельбоносная помощь. У святого человека все свято и чудодейственно. Итак,—заканчивал Митрополит Антоний,—от старца Серафима остались в гробу только кости, остов тела, но как останки угодника Божия, человека святого, они суть мощи святыя».

Святые после своей смерти за святую и благочестивую жизнь становятся «сосудами благодати Божией», вследствие чего и по своей праведной кончине они продолжают свою благотворную деятельность на пользу людей. Многочисленные чудеса и исцеления, подаваемые им, служат неопровержимым доказательством их живой связи с земным миром, что еще более углубляет благоговейное почитание их. Вера в действенность их ходатайств перед Богом побуждает людей обращаться к ним с горячими молитвами. Верующие толпами стекались на могилы почивших праведников и здесь совершали по ним заупокойные Литургии и пели панихиды.

Над местом их погребения устраивали гробницы или раки, с возложением пелены или покрова и иконы или портрета.

Если подвижник был погребен вне церкви, на кладбище, то над его могилой ставились палатка или часовня, а в ней устраивалась гробница или рака. Иногда вместо часовен над гробами праведников устраивались церкви в честь тезоименитых им святых.

Нередко в честь почитаемых благочестивых подвижников еще до прославления их составлялись жития их, каноны, тропарь и кондак, акафисты и вообще церковная служба. Церковная власть требовала, чтобы служба и пролог — синаксарь (житие) были составлены «по подобию», чтобы они соответствовали известной форме и были удовлетворительны по своим литературным качествам.

Для проверки святости усопшего подвижника в Церкви установился определенный порядок, идущий в общем из древности. «Мы же о сем молим святителя всего нашего Российского царства... известно пытати и обыскивати о великих новых чудотворцах... по свидетельству тамо сущих жителей от священнического и иноческого чину и от боярска и от княжеска роду и всех богобоязненных мужей и жен, где которой святой прославился и просиял добрыми делы и чудесы» (Стоглав).

Это «пытание и обыскивание» получило название обыска. Он состоял в проверке святости жизни почившего угодника, в достоверности чудес, совершаемых по молитвам угодника. Следователи расспрашивали самих получивших чудесное исцеление, духовных отцов их и знакомых их. По удостоверении в истинности чудес, высшею церковною властью составляется определение о причислении прославляемого чудесами подвижника к лику святых или канонизации его,

причем указывался день, когда полагается праздновать память его и как править в честь его церковную службу.

Большая часть угодников Божиих могут быть названы местночтимыми, так как известны и почитаются только в тех областях или епархиях, где подвизались и прославились чудесами. Общецерковными могут быть названы лишь те святые угодники, которые просияли, главным образом, в первые времена Церкви, когда она находилась почти в пределах единой всемирной Греко-Римской империи, и когда в христианах в особенности живы были и высоко над всеми другими преобладали интересы веры и Церкви, чему много способствовали времена тяжких испытаний, постигавших Церковь в той великой борьбе, какую она вынесла с врагами. Святые угодники Божии, просиявшие в это время, и сделались известными во всей Церкви. Словом какого-либо различия по достоинству на том только основании, что одни святые почитаются во всех Церквях, а другие в некоторых, или даже в одной какой-либо Церкви, полагаться быть не должно.

Московский Всероссийский Собор 13 августа 1918 г. восстановил существовавшее в Русской Церкви празднование дня памяти всех святых, в земли Российской просиявших, и составил им особую службу, которая должна отправляться в первое воскресенье Петрова поста, и поручил Высшему Церковному Управлению издать точный месяцеслов, со внесением в него памятей всех русских святых.

Православный народ свято чтит память святых, этих ходатаев и заступников пред Богом и обращается к ним с молитвами.

Н. В. Лебедев

Из жизни наших епархий

Из Свердловской епархии

ЦЕРКОВНОЕ ТОРЖЕСТВО

18 апреля 1948 г., с благословения епископа Свердловского Товии, о. протоиереем Д. Фесвитяниновым было совершено освящение восстановленного главного престола в Петропавловском храме г. Свердловска.

Петропавловский храм — каменный, трехпрестольный, художественной архитектуры. В 1797 г. началась постройка левого придела, в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы. В 1812 г. было совершено освящение этого придела. Главный престол во имя апостолов Петра и Павла был освящен в 1820 г. и правый в честь благоверного князя Александра Невского освящен в 1878 г. Настоятель храма, священник Василий Ляпустин в 1947 г. энергично принялся за полное восстановление храма. В течение месяца был оборудован правый придел и 30 ноября освящен о. протоиереем Д. Фесвитяниновым. Настоятель и члены церковной общины дали обещание к празднику Пасхи 1948 г. восстановить главный алтарь храма. Был сделан капитальный ремонт, храм утеплили, поставили иконостас.

Таким образом восстановление главного алтаря было завершено, и ко дню Св. Пасхи храм был освящен.

Из Ровенской епархии

СООРУЖЕНИЕ И ОСВЯЩЕНИЕ НОВОГО ХРАМА

Устроение и освящение святого храма есть выдающееся событие в жизни православных христиан.

В 1947 г. в селе Богдановке Ровенской области верующие праздновали этот радостный день открытия храма.

С благословения епархиального архиерея, верующие, под руководством своего духовного отца иеромонаха Ефрема, в суровые дни войны с огромным энтузиазмом приступили к сооружению святого храма, которого ранее они никогда в этом селе не имели.

27 октября 1947 г. состоялось торжественное освящение храма, в котором принимали участие девять священнослужителей. Храм был переполнен молящимися. На одежде престола художником было написано имя епископа Варлаама Волынского и Ровенского. Жителям села Богдановки радостно было сознавать, что теперь у них есть свой храм, о котором раньше они могли лишь мечтать.

Из Омской епархии

ПОСЕЩЕНИЕ ГОРОДА АРХИПАСТЫРЕМ

С 11 по 15 февраля Высокопреосвященный Алексей, Архиепископ Омский и Тюменский, посетил церкви города Тюмени и совершил чин освящения обновленного главного придела величественного Знаменского собора.

Весть о прибытии архипастыря быстро облетела весь город. К 6 часам вечера храм был переполнен молящимися. В сослужении Владыки принимали участие восемь священников.

Пели два хора.

Лишь в 11 часов вечера закончилось это богослужение и молящиеся, проводив своего архипастыря, стали расходиться по домам.

На другой день богослужение началось в 8 часов утра, малым освящением воды.

Храм не мог вместить множества молящихся. Началось чинопоследование освящения придела.

После Божественной Литургии Владыка обратился к молящимся со словом о значении храма.

13 февраля Высокопреосвященный Алексей совершил богослужение во Всехсвятской церкви.

15 февраля Владыка служил в Тюмени в последний раз. Собор был переполнен богомольцами.

По окончании Литургии Владыка обратился к молящимся с прощальным словом наизидания.

В тот же день вечерним поездом архиепископ отбыл в Омск.

Протоиерей Н. Фоменко

Из Ивановской епархии

ПОСТОЯННАЯ ЗАБОТА О ВЕРУЮЩИХ

Преображенский собор в г. Иванове, при котором учреждена епископская кафедра, с прибытием сюда Владыки Паисия стала центром религиозной жизни верующих г. Иванова и области.

Неутомимая энергия и глубокое внимание к запросам верующих создали Преосвященному Паисию высокий авторитет и любовь паствы. Владыка систематически объезжает приходы своей епархии и совершает в храмах торжественные богослужения, которые привлекают огромные массы молящихся.

Не остаются им не отмеченными и события, важные в жизни пастырей.

Так, в Вербное Воскресение, в текущем году Владыкой было торжественно отмечено возведение в сан протоиерея священника Преображенского собора о. Н. Каллистова.

В Кафедральном соборе за каждой Литургией произносятся слова и проповеди как Владыкой, так и священниками.

Совместными усилиями архипастыря и сослужащего ему духовенства верующие Ивановской епархии получают духовное удовлетворение и сердечную во Христе радость.

Н. С. Покровский

ПРАВИЛА

ПРИЕМА В МОСКОВСКУЮ ДУХОВНУЮ АКАДЕМИЮ НА 1948/1949 УЧЕБНЫЙ ГОД

1. Духовная Академия является высшим учебным заведением, в задачу которого входит подготовка убежденных и просвещенных священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и других богословски образованных деятелей Церкви.
2. Курс обучения в Духовной Академии рассчитан на 4 года.
3. Для поступления на 1-й курс Академии необходимо иметь полное среднее образование и сдать испытания за курс Духовной Семинарии по следующей программе: 1) Священное Писание Ветхого Завета, 2) Священное Писание Нового Завета, 3) Догматическое богословие, 4) Нравственное богословие, 5) Основное богословие, 6) Сравнительное богословие, 7) Литургика, 8) История Христианской Церкви, 9) История Русской Церкви, 10) Гомилетика, 11) История и обличение раскола и сектантства, 12) Практическое руководство для пастырей, 13) Конституция СССР, 14) Греческий или латинский язык, 15) один из новых языков.
4. Окончившие Московскую Духовную Академию со званием действительного студента рукополагаются в иерейский сан для служения на приходах (преимущественно в областных и столичных городах), а получившие кандидатскую степень могут назначаться и преподавателями духовных семинарий. Наиболее одаренные из кандидатов богословия будут оставлены при Академии в качестве профессорских стипендиатов для подготовки к научно-педагогической деятельности.
5. Желаящие поступить в Духовную Академию должны представить в ее канцелярию следующие документы: 1) прошение на имя Ректора; 2) заполненную анкету (образец см. ниже); 3) метрическую выпись о рождении или другой документ о возрасте; 4) документ об образовании; 5) справку от врача о состоянии здоровья; 6) справку о семейном положении; 7) автобиографию; 8) рекомендацию приходского священника или епархиального архиерея; 9) документ об отношении к воинской повинности.
6. Документы принимаются до 15 августа с. г. по адресу: Москва, 48, Бол. Пироговская, 2 (Новодевичий монастырь) канцелярия Московской Духовной Академии.
7. Приемные испытания будут производиться с 1 по 20 сентября. Начало занятий с 1 октября.
8. Всем учащимся выдается стипендия с первого месяца занятий.
9. Для иногородних предоставляется общежитие.

Образец анкеты:

1. Фамилия, имя, отчество.
 2. Год рождения.
 3. Социальное положение.
 4. Образование.
 5. Семейное положение: холост, женат первым браком или вторым,
не был ли разведен (подчеркнуть).
 6. Есть ли дети и их возраст.
 7. Отношение к воинской повинности.
 8. Домашний адрес.
- Дата заполнения анкеты.

СОВЕТ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

П РА В И Л А

приема в Московскую Духовную Семинарию на 1948/1949 учебный год

1. Духовная Семинария является специальным средним учебным заведением, в задачу которого входит подготовка убежденных и просвещенных священно-церковнослужителей Православной Церкви.

2. В состав Духовной Семинарии входят 4 класса, рассчитанных на 4 года обучения. Первые два класса составляют подготовительное отделение и последние два — основное, богословское.

3. В Духовную Семинарию принимаются лица православного вероисповедания, достигшие 18-летнего возраста.

4. Для поступления в 1-й класс Семинарии необходимо иметь общеобразовательную подготовку не ниже 7 классов или соответствующее домашнее образование и знать молитвы: «Царю Небесный», «Святый Боже», «Пресвятая Троице», «Отче наш»; утренние молитвы: «От сна состав, благодарю Тя, Святая Троице», «К Тебе, Владыко, Человеколюбче»; вечерние молитвы: «Боже вечный и Царю всякого создания», «Вседержителю, Слово Отчее», «Господи Царю Небесный, утешителю, Душе Истины, умиласердися и помилуй мя грешного», «Господи, Боже наш»; молитвы Божией Матери: Богородице Дево, радуйся», «Достойно есть», «Взбранной воеводе»; молитву Ангелу хранителю; молитву Ефрема Сирина; молитву перед причащением; Символ веры; Заповеди Моисея; Заповеди блаженства; тропари двенадесятих праздников; тропарь своему святому; 50-й и 90-й псалмы. Кроме того, требуется хорошо (бегло, без ошибок в ударениях) читать по-славянски и грамотно писать по-русски. Все эти требования, вместе с письменной работой, входят в программу испытаний.

5. Окончившие первые два класса Семинарии (подготовительное отделение) получают право на занятие должности псаломщика, а также на посвящение в сан диакона — в зависимости от успехов обучения. Наиболее способные могут продолжать занятия на основном отделении до окончания полного курса Семинарии.

6. На основное (богословское) отделение Семинарии, т. е. в 3-й класс, принимаются лица с общеобразовательной подготовкой в объеме 10 классов средней школы (или с соответствующим домашним образованием), а также окончившие светские высшие учебные заведения. Все поступающие в 3-й класс Семинарии должны, во-первых, удовлетворять требованиям, указанным в п. 4, и, во-вторых, сдать испытания за первые два класса по следующей программе: 1) Священная История Ветхого и Нового Завета, 2) Катехизис, 3) Церковный устав, 4) Краткая история Христианской Церкви, 5) Краткая история Русской Церкви, 6) Церковнославянский язык, 7) Русский язык, 8) Конституция СССР, 9) Церковное пение.

7. Окончившие полный курс Духовной Семинарии получают право на посвящение в иерейский сан для служения на приходе, а также могут поступать на I курс Академии для получения высшего богословского образования.

8. Желающие поступить в Духовную Семинарию должны представить в ее канцелярию следующие документы: 1) прошение на имя Ректора; 2) заполненную анкету (образец см. ниже); 3) метрическую выпись о рождении или другой документ о возрасте; 4) документ об образовании; 5) справку от врача о состоянии здоровья; 6) справку о семейном положении; 7) автобиографию; 8) рекомендацию приходского священника или епархиального архиерея; 9) документ об отношении к воинской повинности.

9. Документы принимаются до 15 августа с. г. по адресу: Москва, 48, Бол. Пироговская, 2 (Новодевичий монастырь), канцелярия Московской Духовной Семинарии.

10. Приемные испытания будут производиться с 1 по 20 сентября. Начало занятий с 1 октября.

11. Всем учащимся выдается стипендия с первого месяца занятий.

12. Для иногородних предоставляется общежитие.

Образец анкеты:

1. Фамилия, имя, отчество.
 2. Год рождения.
 3. Социальное положение.
 4. Образование.
 5. Семейное положение: холост, женат первым браком или вторым, не был ли разведен (подчеркнуть).
 6. Есть ли дети и их возраст.
 7. Отношение к воинской повинности.
 8. Домашний адрес.
- Дата заполнения анкеты.

СОВЕТ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

ОПЕЧАТКИ К ЖУРНАЛУ № 4

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
16	17 снизу	южных	нежных
23	16 снизу	Митроплита	Митрополита
31	12 сверху	патриотическая	патристическая
31	26 снизу	относится	относятся
35	6 сверху	Диодмиди	Диомиди
36	2 сверху	рента	лепта
36	2 снизу	к	в
37	12 сверху	Непреодоленность	Неодоленность
37	14 сверху	5	15
43	14 снизу	арпаизм	арианизм
47	7 сверху	Ускове	Узком

Цена 10 руб.

45